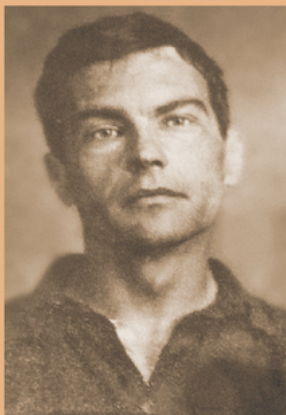

— СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК —

— παραλιπομένων —

Николай Минаев
Нежнее
неба

— СБОРАНИЕ
СТИХОТВОРЕНИЙ —

Николай Николаевич Минаев
А. Л. Соболев
Нежнее неба. Собрание
стихотворений
Серия «Серебряный
век. Паралипоменон»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9010751

Николай Николаевич Минаев. Нежнее неба. Собрание стихотворений:

Водолей; Москва; 2014

ISBN 978-5-91763-230-8

Аннотация

Николай Николаевич Минаев (1895–1967) – артист балета, политический преступник, виртуозный лирический поэт – за всю жизнь увидел напечатанными немногим более пятидесяти собственных стихотворений, что составляет меньше пяти процентов от чудом сохранившегося в архиве корпуса его текстов. Настоящая книга представляет читателю практически полный свод его лирики, снабженный подробными комментариями, где впервые – после десятилетий забвения – реконструируются эпизоды биографии самого Минаева и лиц из его ближайшего литературного окружения. *Общая редакция, составление,*

*подготовка текста, биографический очерк и комментарии: А. Л.
Соболев*

Содержание

Первое стихотворение («Весна! Чудесная весна!...»)	17
«Небо хмурится и плачет...»	18
Летняя ночь («Ветерок чуть шевелит зеленой листвой...»)	19
«Стояла башня на скале...»	20
«Вот передо мною поле без границы...»	21
«Запад гаснет в оранжево-алой дали...»	22
Свадьба в деревне («Шум, говор, крики, веселие пьяное...»)	23
«Над зияющею бездной...»	24
«Солнце село... У пригорка...»	25
«Быстро к далекому небу взлетела ракета...»	26
Лютер («Он кончил курс в университете...»)	27
«Уж догорел закат лучистый...»	28
«Больше нету меня моей Музы прекрасной...»	29
«О, колосс далекий, Сириус лучистый!...»	30
Чепуха («Рака в буром сарафане...»)	31
«Сквозь громаду свинцовую туч...»	33
«Над душистой веткою березы...»	34
Страшный сон («Камилавкин Нил Иванович...»)	35
«За рекой зарницы робко трепетали...»	38
«Деревья буйный ветер клонит...»	39

«Тихо плещет река...»	40
«Летней негой ночь нас опьянила...»	41
Грустная история («Раз гуляя по Петровке...»)	42
Весеннее утро («Утро тихое и ясное...»)	46
«Вчера, в час вечера закатный...»	47
«Чуть тронут запад розовою краской...»	48
Е. П. Павлову («Тебе в альбом без всякой муки...»)	49
К ней («О, милое, прелестное создание!...»)	50
Автомобиль («Пуская в воздух клубы дыма...»)	51
«Долго сидел я вечерним покоем объятый...»	52
Лунная ночь («Лунным светом залиты долины...»)	53
«Опадают листья, увядают цветы...»	54
«О, клены стройные, как вы...»	55
Надпись на беседке («Второго августа тринадцатого года...»)	56
«Вчера нашел цветок лиловый...»	57
«Уже листва деревьев рдеет...»	58
«Загорелся румянцем восток...»	59
«Ветер яростно раскачивает лес...»	60
«О, как уныл лес обнаженный...»	61
«Вас вместе с Вашими друзьями...»	62
В поле («Кругом от края и до края...»)	63
Первый снег («Где было к вечеру вчера...»)	64
«Два свежих полевых букета...»	65

«Милый друг, как красив этот вид!..	66
Посмотри...»	
Перед весной («Весна!., мне сердце прошептало...»)	67
В грустный вечер («Опять один... Смотрю в окно...»)	68
«Майский вечер задумался... Запад нежно румянится...»	69
«Недавно первый вешний гром...»	70
Майский вечер («Деревья сада...»)	71
Триолет («Моей тоске причины нет...»)	73
Клин летом («Настало лето... Ожил Клин...»)	74
«Цветы покорно увядают...»	76
Загадка («Вчера на «Чортовом мосту»...»)	77
Июль («Вечер даль закрыл фатой...»)	79
Перед увяданьем («Дни все короче и короче...»)	80
«Опять пахнуло лаской вешней...»	81
В эти дни («Теперь, когда весь мир кругом...»)	82
Со славой павшим («Мои возлюбленные братья...»)	84
«Затихла в потемках аллея...»	85
Осенние думы («Как грустно: – осень! А давно ли...»)	86
Любовь («Любовь это тихое счастье...»)	88
Облака («Над засыпанной снегом равниной...»)	89
«Еще деревья не успели...»	91

«Я шел один дорогой пыльной...»	92
«Не унывайте же, друзья...»	93
«Когда над нашею строною...»	94
«В ясный день пробуждения природы...»	95
«Как ласково небо закатное...»	96
«Безотрадной осенней порою...»	97
Письмо из лазарета («Дорогие мои, извините...»)	98
На поле боя («Туман окутал поле боя...»)	100
«Мы уснули... нам снится мучительный сон...»	101
«Ты так нежно прильнула ко мне...»	102
России («Многострадальная страна...»)	103
«Помню миг расставанья с тобою, мой друг!...»	104
«Сраженный пулей роковой...»	105
Христос воскрес!.. («Над лесом птичьи голоса...»)	107
Мухоморы в рассоле («Мухоморы в рассоле!.. Мухоморы в рассоле!...»)	108
«Вдали от неба голубого...»	109
На взятие Перемышля («Ликуйте русские сердца...»)	110
Под осень («Как грустен старый парк под осень...»)	111
«И даль в опаловом тумане...»	112
Межпланетная трагедия («Это было в пучинах пространства...»)	113

«Я шел среди полей безбрежных...»	115
«Я люблю в тихий полдень под осень...»	116
Это было на даче... («Это было на даче, где густая рябина...»)	117
Поэза о самом себе («Я вездесущ... Весь век свой странствуя...»)	118
Осенний сонет («Осенний день прозрачен как хрусталь...»)	119
Вечерняя рондель («Зари вечерней полоса...»)	120
Послание из Малаховки («К Вам в Белосток...»)	121
В день годовщины («В день годовщины, как и прежде...»)	123
Апрельский день («Апрельский день лучист и светел...»)	124
И. П. Сидорову («Пожелаю я Вам всей душой...»)	126
Бабочка («Сильно и смело...»)	127
«День неприветлив и короток...»	128
Подснежник («Лишь весны благодатная нега...»)	129
«Уже сияет солнце ярко...»	130
«В синем небе на солнце жемчужится...»	132
Весна в Зубцове («Вот уж март... над зимою смеясь...»)	133
Майским утром («Майский солнечный день...»)	135
Памяти К. М. Фофанова («В расцвете радостного мая...»)	137

«Счастье какое увидиться снова...»	138
Женя и Дора («Женя пишет сонату и скерцо...»)	139
«Я спокоен как в юности вновь!...»	141
Е. В. Шаломытову («Когда вечера лучезарны и долги...»)	142
«Октябрь... Туманно и дождливо...»	143
«К нам снова возвратилась...»	145
Узоры мороза («На стеклах узоры мороза...»)	147
«Омытая дождем природа ликовала...»	148
«Неуютно и грустно в саду помертвелом...»	149
Весенний сонет («Весна близка!.. Весна, весна идет!...»)	150
«Золотистые блики заката...»	151
И. П. Сидорову	152
1. Слезное моление («Протяните нам братскую руку...»)	152
2. Дружеский совет («Я даю Вам последний совет...»)	153
И. П. Сидорову («Когда ем блинчики верченые...»)	154
«Прощанье августа – а заодно и лета...»	155
«Что такое счастье?.. Это неизвестно...»	156
«Солнце беспощадно жжет весь день с утра...»	157
«Ты ушла от меня навсегда...»	158
Довольно! («Довольно лживых обещаний...»)	159
Из дневника («Опять зима... Опять снега...»)	161

«Необозримые поля...»	163
В сумерках («Весенние синие сумерки...»)	164
С Новым годом («С Новым годом поздравляю...»)	165
«Положив на колени цветы...»	167
«Помнишь вечер розовый?...»	168
«В прозрачных сумерках весною...»	170
«Весной задыхаешься в каменном склепе...»	171
«Мы ехали в простой коляске...»	172
«Смотрят сумерки в окна ко мне...»	173
На даче («Над клумбой вьется мошек рой...»)	174
«Сладко нежиться в мягкой и теплой постели...»	176
«Хорошо в аллее кленовой в ясный вечер сентября...»	177
«Я проснулся на заре...»	178
Импровизация («Ветер ворвался в ресторан «Яр»...»)	180
«Под рдеющим лучом заката...»	181
После ненастья («Как ярок августовский день! ...»)	183
На встрече Нового года («Желаю всем присутствующим здесь...»)	184
«Возвращенная к жизни теплом животворным...»	185
«Душа как пленница томится...»	186
«Зарумянила осень...»	187

«К холодным стеклам тусклых окон...»	189
«Последний пламень солнце мечет...»	190
«С каждой минутой сумрак мгlistей...»	191
«Сентябрьский вечер тих и розов...»	192
Пейзаж («От заревых лучей сиреневых...»)	193
«В кадке с водою у колодца...»	194
«Мы прощаемся... Ты уйдешь сейчас...»	195
В роще («Прошумел по листьям дождь...»)	196
«Вот и солнце низко, значит близок вечер...»	197
«В сумерки весенние...»	198
«Вздыхает нива золотая...»	200
«О, предводитель воинства...»	201
«Гремит Максим фанфарно...»	202
«Вы, рифмуя, старательно пишете...»	203
«Только знать, что готова награда...»	204
«Он славословит стихи Адуева...»	205
«В Союзе два обеда слопава...»	206
«Уж сколько зим и сколько лет...»	207
Винегрет из Мачтета («Вторая Мещанская Матрена и Фекла...»)	208
Валерию Брюсову Акrostих («Весна! Как счастлив я! Покончено с зимой...»)	209
В альбом на ходу	210
1. Н. П. Кугушевой («Примите мои пожеланья хорошие...»)	210

2. Н. Н. Ольховской («Что такое жизнь здешняя наша?...»)	211
«Нетропов и Мачтет давно друг другу любы...»	212
Н. П. Кугушевой («Хотя не хорошо хорошему поэту...»)	213
«Я знаю: завтра будет то же...»	214
«Среди членов Союза...»	215
В. А. Гиляровскому («Писать экспромты мне судьбою суждено...»)	216
Н. С. Берендгофу («Качаясь вышел на крыльцо...»)	217
«Вся жизнь – напряжение в прицеле...»	218
«Слегка трещит камин и золотистый блик...»	220
«Два крепко спаянных звена...»	222
Радость («Подойдет недотрогой-царевной...»)	223
«Вокруг замкнутые уста...»	224
«Все отойдет и – без возврата...»	225
«День был томителен и зноен...»	226
«Еще стеклярусные нити...»	228
«Забита будка у ворот...»	229
К. Д. Бальмонту («Твой яркий дар – чудесная певучесть...»)	230
Послание К. Д. Бальмонту («Бальмонт прекрасный!...»)	231
3. Н. Ивановой («Сережа задремал в кровати...»)	232

О. Л. Леонидову. В альбом («Промчится быстро жизнь неистовая...»)	233
«Прозрачно небо... Даль ясна...»	234
Истинное происшествие («Я вышел от прелестной Вари...»)	235
«Томительные дни сомнения и лени...»	237
«О, неизбежность наших встреч!...»	238
«Истомной лени я...»	239
«Какие силы водят мной?!...»	241
«И тишина... И слабо пахнет мятой...»	242
«Самое близкое сердцу – осени, зимы и весны...»	243
«Вчерашний день казался мне пустым...»	244
«Слова корявы и скрипучи...»	245
П. И. Вагину. Записка («Нет, невозможно слушать на ночь...»)	246
«Весною сны – последний талый снег...»	247
«Воздух пахнет росой и сеном...»	248
«Восторги встреч и горести разлук!...»	249
«Тянет жадная бездна...»	250
«О, радость обрести в пути единоверца...»	251
«О, сладость уз желаемого плена...»	252
«О, тайная, о нежная услада...»	253
«Окончу скоро ли волненья странствий?!...»	254
«Плетутся сумрачные дни...»	255
«Подошла и разнежила взглядом...»	256

**Николай
Николаевич Минаев
Нежнее неба. Собрание
стихотворений**

© А. Л. Соболев, общая редакция, составление, подготовка текста, биографический очерк и комментарии, 2014

© М. и Л. Орлушины, 2014

© Издательство «Водолей», 2014

* * *

Первое стихотворение («Весна! Чудесная весна!..»)

Весна! Чудесная весна!
 Ах, как прекрасна ты,
И юной прелести полна,
 И нежной красоты.

Весною тянет на простор
 Из тесных городов,
Туда, где ты, весна, ковер
 Соткала из цветов.

Туда, где солнце, поле, лес,
 Туда, где ты царишь,
Где необъятен свод небес,
 Где ласковая тишь.

И там средь заросли лесной
 Поет мне соловей,
И наслаждаюсь я весной
 Далеко от людей.

1910 г. 29 мая. Суббота.

Москва

«Небо хмурится и плачет...»

Небо хмурится и плачет,
Небо слезы льет из глаз,
И дождем те слезы неба
На земле зовут у нас.

Небо весело смеется,
Нам свою улыбку шлет,
И народ улыбку неба
Красным солнышком зовет.

*1910 г. 17 июля. Суббота.
Степановка, Тульск. губ.*

Летняя ночь («Ветерок чуть шевелит зеленой листвою...»)

Ветерок чуть шевелит зеленой листвою,
Тихо плещет о берег река,
И спокойно сияя над сонной землей,
Проплывает луна облака.

Все кругом в забытьи... Спит березовый лес;
Воздух свеж и душист как цветок;
Вот упала звезда и в просторе небес
Пролетела, искрясь, на восток.

21 сентября 1910.

Вторник. Москва

«Стояла башня на скале...»

Стояла башня на скале...
Вокруг кипело пеной море,
И волны рвались на просторе
Размыть утес в туманной мгле.

Внутри царила тишина,
Висели низко башни своды,
И только голос непогоды
Влетал из узкого окна.

Да иногда орел кричал,
Паря высоко над скалою,
И ветер дымно-серой мглою
Небесный купол закрывал.

*18 января 1911 г. Вторник.
Москва*

«Вот передо мною поле без границы...»

Вот передо мною поле без границы,
И куда ни кину восхищенный взор
Вижу только рожь, над нею выются птицы.
Ах, какая воля!.. Ах, какой простор!..

Только рожь одну здесь ветер колыхает,
Только птицы криком вспугивают тишь;
Среди ржи порою василек мелькает,
Радостно усталый взор в него вперишь.

Но через минуту все переменялось:
Из-за горизонта показался лес,
И вдали на солнце речка серебрилась,
Лентою теряясь где-то у небес.

*1911 г. 16 июня. Четверг.
Денисиха, Моск. губ.*

«Запад гаснет в оранжево-алой дали...»

Запад гаснет в оранжево-алой дали,
Загорелась алмазом звезда в синеве,
Высоко над лугами летят журавли
И как жемчуг сверкает роса на траве.

Свежий воздух дыханьем цветов напоен;
Жизнь мне кажется ясной как этот закат:
Ведь я молод и счастлив, любим и влюблен
И в тебя, и в зарю, и в степной аромат!..

1911 г. 25 июня. Суббота.

Денисиha, Моск. губ.

Свадьба в деревне («Шум, говор, крики, веселие пьяное...»)

Шум, говор, крики, веселие пьяное...
Ярко носы от вина покрасневшие...
Чмокание, чавканье, бульканье рьяное...
Дым от махорки и лица вспотевшие...

Бабы толпою топчат и кружатся,
Дробно стучат мужики сапожищами,
Девки кричат во все горло, натужатся,
Чтоб от гостей поживиться деньжищами.

Вот, наконец, пированье кончается,
Гости поднялись и помолились;
Двое иль трое под лавкой валяются,
Пять человек встать не могут: упились.

Ругань и смех одновременно слышатся,
Им отвечает гармоника венская...
Все как осока под ветром колышатся...
Что это?.. Свадьба идет деревенская!..

1911 г. 29 июля. Пятница.

Денисиха, Моск. губ.

«Над зияющею бездной...»

Над зияющею бездной
Я потоком любовался;
Темный полог ночи звездной
Надо мною расстилался.

Чуть заметной полосою
Запад тлел в дали туманной,
И прохладною росой
Луг мерцал благоуханный.

Ночь безмолвию внимала,
Соловья замолкли трели,
Только бездна рокотала,
Да шумели глухо ели.

Диск луны кроваво-красный
Поднимался над водою...
Ели б ты, мой друг прекрасный,
В эту ночь была со мною!

*8 августа 1911. Понедельник.
Москва*

«Солнце село... У пригорка...»

Вянет лист... Проходит лето...
К. Прутков

Солнце село... У пригорка
Запад золотится...
Молодой пастух Егорка
Хочет утопиться.

Что напрасно бить тревогу?
Снова день настанет,
Эй, дурак, поверь, ей-Богу
Завтра солнце встанет!

1911 г. 10 августа. Среда.
Москва

«Быстро к далекому небу взлетела ракета...»

Быстро к далекому небу взлетела ракета,
Лопнула с треском она, рассыпаясь огнями,
Ночь озарилась мерцаньем волшебного света,
Искры кружились над лесом, летели над нами

И погасали в холодном и темном пространстве;
Вдвое мрачней показалась мне ночь после света,
Но лишь мгновенье прошло и в огнистом убранстве
Вновь темноту озарила другая ракета.

1911 г. 15 августа. Понедельник.

Лосиноостровская, Яросл. жел. дор.

Лютер («Он кончил курс в университете...»)

Он кончил курс в университете,
Потом поехал в монастырь,
И там забыв про все на свете
Читал молитвы и псалтырь.

1911 г. 13 октября. Четверг.

Москва

«Уж догорел закат лучистый...»

Уж догорел закат лучистый,
Зари померкла полоса,
И на черемухе душистой
Блестит вечерняя роса.

Прохладой легкий ветер веет,
И успокаивая взор
Вдали сквозь сумрак лиловеет
Таинственно сосновый бор.

Цветами первыми покрыла
Луга нарядная весна,
И на ночь землю погрузила
В объятия сладостного сна.

30 ноября 1911. Среда.

Москва

«Больше нету меня моей Музы прекрасной...»

Больше нет у меня моей Музы прекрасной,
Улетела она в беспредельные дали,
Я излиться стихами пытаюсь напрасно,
Лишь при Музе слова вдохновенно звучали.

О, чудесная дева, вернись, с нетерпением
Жду тебя, чтобы в звуках и рифмах излиться,
Чтобы душу наполнить восторженным пеньем,
Чтоб стихами любить и стихами молиться!..

1912 г. 9 февраля. Четверг.

Москва

«О, колосс далекий, Сириус лучистый!...»

О, колосс далекий, Сириус лучистый!
Ты струишь потоки пламенного света,
И пройдя пространство, свет твой золотистый
Льется на земного юного поэта.

В светлые минуты редких вдохновений,
Приближает душу к небу свет твой чистый,
Дай же мне побольше творческих мгновений,
О, колосс далекий, Сириус лучистый!

1912 г. 4 марта. Воскресенье.

Москва

Чепуха («Рака в буром сарафانه...»)

1.

Рака в буром сарафانه
Запрягли в бутылку с водкой,
И запутавшись в тумане
Поскакал он рысью ходкой.

2.

Галку с книгой и лопатой
Натравили на Венеру,
Но она, набившись ватой
Проглотила соли меру.

3.

Перед вошью с длинным носом
Скачет печь на сковородке,
И глазам ее раскосым
Предлагает бровь селедки.

4.

Положили поезд в небо,
Там свои клыки он точит,
И схватив Луну из хлеба
Погасить ей Солнце хочет.

5.

На яйцо крутое всмятку
Возложили порученье:
Отыскать в лесу перчатку
Из миндального печенья.

*1912 г. 18 марта. Воскресенье.
Москва*

«Сквозь громаду свинцовую туч...»

Сквозь громаду свинцовую туч
Проскользнув на минуту одну
Ослепительный солнечный луч
В голубую проник глубину.

Заиграла морская волна,
И под этим случайным лучом
Жизнь воды пробудилась от сна
И забила горячим ключом.

Но громада свинцовая туч
Задавила собой небосвод,
И погас яркий солнечный луч
На лазурной поверхности вод.

*1912 г. 20 апреля. Пятница.
Москва*

«Над душистой веткою березы...»

Над душистой веткою березы,
Тихой ночью ласковой весны,
В воздухе прозрачном реют грезы
И витают сладостные сны.

В синеве безоблачного свода
Кротко блещет звезд лучистый рой,
Задремала юная природа,
Нежася весеннею порой.

Шелестят деревья лаской мая,
Еле плещет сонная волна,
И вся ночь таинственно-немая
Красоты чарующей полна.

20 июня 1912 г. Среда.

Москва

Страшный сон («Камилавкин Нил Иванович...»)

1.

Камилавкин Нил Иванович,
Человек довольно тощий,
В темной комнате храпит;

Он изрядно выпил на ночь,
Поругался с толстой тещей
И женою был побит.

2.

И теперь средь ночи темной,
На диване мягком лежа,
Видит он ужасный сон:

Перед ним сидит огромный
В горделивой позе дожа

Чорт забравшийся на трон.

3.

Он с рогами на затылке,
Хвост как ржавая веревка,
Козьей шерстью весь оброс,

И глотая из бутылки,
В то же время очень ловко
Ковыряет пальцем нос.

4.

Нил Иваныч испугался
Увидав так близко чёрта
И с испугу заорал,

Чёрт смышленным оказался,
Откусил кусок от торта
И куда-то вдруг удрал.

5.

Но спустя одно мгновенье
Он назад вернулся смело,
Приведя чертовок рать,

И в порыве озлобления
Камилавкинское тело
Принялись они щипать.

6.

Нил Иваныч пробудился,
Но душою содрогался,
Вспоминая страшный сон,

И ужасно удивился,
Разглядевши, что валялся
На полу под креслом он.

1912 г. 1 июля. Воскресенье.

Москва

«За рекой зарницы робко трепетали...»

За рекой зарницы робко трепетали,
Розовой полоской гас закат вдали,
Липы ароматом сладостно дышали
И струился слабый запах от земли.

Мы с тобой вдвоем укрылись в аллее,
Изнывая, пел над нами соловей,
И еще прекрасней, и еще милее
Ты была под сенью липовых ветвей.

Словно утомившись ветер стих мятежный,
Слышалось журчанье полусонных струй.
В этот вечер летний, в этот вечер нежный
Прозвучал наш первый тайный поцелуй.

А вдали, бледнея, гас закат чудесный,
Загорались звезды в темных небесах;
Целовал я жадно ротик твой прелестный
И тонул в твоих мерцающих глазах.

7 июля 1912. Суббота.

Москва

«Деревья буйный ветер клонит...»

Деревья буйный ветер клонит,
Срывая блеклый их наряд,
И в мрачном небе тучи гонит
Без устали за рядом ряд.

Луга и нивы опустели,
Чернеет мокрая земля,
И скоро жуткий вой метели
Встревожит тихие поля.

Река оденется покровом
Из льда, а следом и сама,
С своим дыханием суровым,
Придет трескучая зима.

*16 октября 1912 г. Вторник.
Москва*

«Тихо плещет река...»

Тихо плещет река
Неспокойной волной,
Догорает далекий закат;
В вышине облака
Бесконечной толпой
Торопливо и плавно скользят.

Молодая весна
Напоила поля
Благовонным дыханьем цветов,
И под ласкою сна
Задремала земля,
От дневных отдыхая трудов.

Вот запел соловей,
И опять тишина,
И осилить тоску мне не в мочь...
Из-за груди полей
Выплывает луна,
Озаряя весеннюю ночь.

*20 октября 1912. Суббота.
Москва*

«Летней негой ночь нас опьянила...»

Летней негой ночь нас опьянила...
До рассвета мы вдвоем блуждали,
А из синей беспредельной дали
Нам сияли вечные светила.

Наши души полные любовью,
Трепеща, стремились друг к другу
И я обнял милую подругу
Распаленный вспыхнувшей кровью.

Нежный взор ее светился лаской,
И высоко грудь ее вздымалась;
Эта ночь блаженства показалась
Мне чудесной незабвенной сказкой.

Все вокруг любовь заморозила,
Лишь сердца порывисто стучали,
А из синей беспредельной дали
Нам сияли вечные светила.

12 декабря 1912. Среда.

Москва

Грустная история («Разгуляя по Петровке...»)

Раз гуляя по Петровке
Сидор Карпыч увидал,
Что к хорошенькой блондинке
Пристает один нахал.

Сидор Карпыч возмутился,
Как индюк надулся злостью,
И к нахальному субъекту
Подошел, махая тростью.

И нахмутив грозно брови,
Чтоб внушительнее стать,
Он сказал: «Не смейте, сударь,
К честным дамам приставать!

Извинитесь перед нею
Вы сейчас без промедленья,
А не то я Вас в лепешку
Превращу в одно мгновенье!...»

После этих слов суровых
Неизвестный господин
Наутек скорей пустился,

Видя в том исход один,

Чтоб избежать наказания,
Ибо дамочка-плутовка,
Убоявшись скандала,
Вдруг исчезла очень ловко.

Сидор Карпыч был нескладен
Как черкасский тучный бык,
Но за ним бегом пустился,
Хоть к тому он не привык.

Господин стрелою неся,
Сидор Карпыч вслед стремился,
И почувствовав, что крепко
За нахала ухватился:

«Стой!.. Ага, попался в лапы!..»
Громогласно завопил,
И широко размахнувшись
Прямо в нос ему вlepил.

Кровь струей из носа хлещет,
«Караул!..» вопит несчастный,
Мчится публика отсюда
С жаждой зрелищ сладострастной.

Сидор Карпыч испугался,
Он мгновенно увидал,

Что не тот, за кем он гнался,
Ему под руку попал.

Но теперь уж было поздно:
Мчался дворник бородатый,
Вслед за ним городовые
И неведомые хваты.

Подбежав к нему поближе,
Дворник сшиб его метлой,
И злосчастный Сидор Карпыч
Вытер плиты мостовой.

В миг один его связали
И заткнув покрепче глотку,
Привезли в участок ближний
И втокнули за решетку.

Там в компании с ворами
Он провел без сна всю ночь,
И не мог к их зверским рожам
Отвращения превозмочь.

С этих пор наш Сидор Карпыч
Бросил рыцарством кичиться,
Чуть увидев ловеласа,
Он спешит скорее скрыться.

1913 г. 6 февраля. Среда.

Москва

Весеннее утро («Утро тихое и ясное...»)

Утро тихое и ясное
Нынче радует мой взор;
Выплывает солнце красное
Из-за леса на простор.

Блещут влагой серебристою
И трава и сонный клен,
И черемухой душистою
Свежий воздух напоен.

Чисто небо безмятежное,
Нет ни облачка нигде,
Дуновенье ветра нежное
Чуть заметно на воде.

Все цветет, все улыбается
Солнцу небу и весне,
И струею разливается
Радость вешняя во мне.

*18 февраля 1913 г. Понедельник.
Москва*

«Вчера, в час вечера закатный...»

Вчера, в час вечера закатный
Весь запад пурпуром блистал,
И неба купол необъятный
Был чист и ясен как кристалл.

Сегодня небо в грозных тучах,
Дождем набухших и сплошных,
И лишь зигзаги молний жгучих
Порою вспарывают их.

1913 г. 20 февраля. Среда.

Москва

«Чуть тронут запад розовой краской...»

Чуть тронут запад розовой краской,
В холодном небе серп луны блеснит;
Склонившись надо мной с усталой лаской
Листвой береза тихо шелестит.

И в сумраке, и в небе, и в березе,
И даже в тишине сквозит печаль,
Как будто все в какой-то странной грезе
Глядит на погасающую даль.

Как будто все подвластно впечатленью
Грустит о чем-то, что умчалось прочь
Давно-давно и предано забвенью,
Но что вернется в нынешнюю ночь.

*<1 марта 1913 г. Пятница.
Москва>*

Е. П. Павлову («Тебе в альбом без всякой муки...») В альбом

Тебе в альбом без всякой муки
Пишу, надеюсь вполне,
Что ты в печальный час разлуки,
В родной или чужой стране,
Возьмешь его с улыбкой в руки,
При свете дня иль при луне,
И прочитав сие от скуки,
Мгновенно вспомнишь обо мне.

1913 г. 20 марта. Среда.

Москва

К ней («О, милое, прелестное создание!...»)

В пасхальные дни

О, милое, прелестное создание!
Как счастлив я с тобою в эти дни;
Прошли невзгоды, горе и страдания,
И я стою с волнением ожидания
Один перед твоим окном в тени.

А благовест несется колокольный
Над светлым днем, над праздником любви;
В моей душе царит восторг невольный
И в этот праздник светлый и престольный
Любовь к тебе сильнее горит в крови.

Пройдет весна, настанет снова лето
В сиянии солнца яркого венца,
И мы с тобою вспомним время это,
Когда в сердцах еще не перепето
Рондо любви с начала до конца.

1913 г. 23 апреля. Вторник.

Москва

Автомобиль («Пуская в воздух клубы дыма...»)

Пуская в воздух клубы дыма
И за собой взметая пыль,
Как сатана неудержимо
Проносится автомобиль.

С ужасным хрипом и гуденьем,
Распугивая им народ,
Каким-то жутким привиденьем
Он перед взором промелькнет.

Когда идешь через дорогу
С невольным трепетом в груди
И обратишь с молитвой к Богу
Скорей ее переходи,

Не то назло дневному свету
Удар – и ты на мостовой,
И скорой помощи карету
Вызвать бежит городской.

1913 г. 15 мая. Среда.

Москва

«Долго сидел я вечерним покоем объятый...»

Долго сидел я вечерним покоем объятый,
В темном саду у столетней развесистой ели,
Долго следил как закат погасал розоватый,
Как его блики на облаке легком тускнели.

Тихо так было, дневные растаяли звуки,
Слившись друг с другом деревья дремали устало,
Ветви их точно огромные цепкие руки
К небу тянулись, где звезд вереница блистала.

Сердце томилось какой-то тоскливой истомой,
Плакало сердце предчувствуя близкое горе,
И лишь сознанию нашептывал голос знакомый:
– «После несчастья заметнее счастье во взоре...»

<9 июля 1913 г. Вторник.

Клин>

Лунная ночь («Лунным светом залиты долины...»)

Лунным светом залиты долины;
Ночь светла как серый зимний день;
Сонных лип кудрявые вершины
Бросили причудливую тень.

Даль полей раздвинулась широко,
Очертанья города видны;
Тихий пруд спокойно и глубоко
Отражает светлый шар луны.

Мнится: этой ночью полнолуныя
Воздух чутко тайну сторожит,
И земля как старая колдунья
В забытии тревожном ворожит.

1913 г. 12 июля. Пятница.

Клин

«Опадают листья, увядают цветы...»

Опадают листья, увядают цветы;
 Миновало короткое лето,
И в душе у меня угасают мечты,
 Хотя песня еще не допета.

Но забуду о ней, подожду до весны,
 Что вослед за зимой к нам вернется,
И когда, отогнав невеселые сны,
 Юной зеленью лес вострепнется,

И травкою оденется лоно полей,
 И заплещут весенние воды, —
Я, воспрянув душой, буду в песне своей
 Прославлять возрожденье природы.

1913 г. 18 июля. Четверг.

Клин

«О, клены стройные, как вы...»

О, клены стройные, как вы
Красивы в тихий час заката,
Когда на зелени листвы
У вас лежат полосы злата.
И вы стоите не дрожа,
Завороженные окраской,
Лучи ревниво сторожа
И упиваяся их лаской.
Но только скроются они
За горизонтный перекресток,
Померкнут вмиг на вас огни
И потускнеют искры блесков.

1913 г. 1 августа. Четверг.

Клин

Надпись на беседке («Второго августа тринадцатого года...»)

Второго августа тринадцатого года
В беседке сей, мечтая, я сидел,
И, голода не в силах превозмочь,
Купил на станции четыре бутерброда,
Вернулся вновь сюда, их быстро съел
И, покулив, пошел отсюда прочь.

1913 г. 2 августа. Пятница.

Клин

«Вчера нашел цветок лиловый...»

Вчера нашел цветок лиловый,
Засушенный в расцвете сил,
И он с отчетливостью новой
В душе былое воскресил.

Припомнил я, что ночью темной
Его в саду ты сорвала
Рукой нетвердой с клумбы скромной
И мне с улыбкой отдала.

Промчались дни... И я расстался
С тобой покорствуя судьбе,
Но твой цветок со мной остался
Как дар на память о тебе.

*1913 г. 19 августа. Понедельник.
Москва*

«Уже листва деревьев рдеет...»

Уже листва деревьев рдеет,
Красой сентябрьской нежа взгляд,
Но ветер все еще не смеет
Похитить поздний их наряд.

И в дни осеннего привета,
В такие солнечные дни,
Аллея пестро разодета
В пурпурно-желтые огни.

Как будто краскою прощальной
Листва покрылась для того,
Чтоб быть красивей в миг печальный,
В миг увяданья своего.

И в час прозрачного заката,
Она в лучах вдвойне горя,
Простится с жизнью без возврата
В прохладный вечер сентября.

*<20 августа 1913 г. Вторник.
Москва>*

«Загорелся румянцем восток...»

Загорелся румянцем восток,
Заклубилась роса по оврагу
И раскрылся душистый цветок,
Отряхая прозрачную влагу.

Зашумели по ветру леса,
В темных чащах проснулись птицы,
И веселые их голоса
Зазвучали навстречу денницы.

Скоро ясное солнце взойдет,
И туман и прохладу рассеет,
И все, что его любит и ждет
Золотыми лучами согреет.

*1913 г. 9 сентября. Понедельник.
Москва*

«Ветер яростно раскачивает лес...»

Ветер яростно раскачивает лес,
И трещат и гнутся ветви мертвеца;
Серой хмурью затянулся свод небес,
И струится мелкий дождик без конца.

В поле – грустно... Почву мутная вода
Пропитала, превратила землю в грязь;
Закатилась лета яркая звезда,
И природа умирает с ней простясь.

И томится и болит моя душа
Вместе с небом, вместе с сумраком полей...
Эх, скорей бы бодрым холодом дыша,
К нам зима пришла, чтоб было веселей!

*<24 сентября 1913 г. Вторник.
Москва>*

«О, как уныл лес обнаженный...»

О, как уныл лес обнаженный
Ненастной осенью, когда
Со свистом ветер раздраженный
Ломаёт ветви без труда.

А он с поблекнувшим убором
Свой потеряв надежный щит,
Под этим бешеным напором
Покорно гнется и трещит.

Но лишь зима придет украдкой
И белым девственным ковром
Покроет грудь равнины гладкой,
Его осыпав серебром,

Он в мягкой снежной колыбели
Задремлет сладко до весны,
И под тягучий вой метели
Увидит радостные сны.

*1913 г. 14 октября. Понедельник.
Москва*

«Вас вместе с Вашими друзьями...»

Е. М. Гусевой

Вас вместе с Вашими друзьями
Сегодня, Лиза, поздравляю,
И Вам всего того желаю,
Чего желаете Вы сами: —

Весьма в работе отличаться,
Создав себе к тому условия,
Иметь прекрасное здоровье
И иногда со мной встречаться!

*1913 г. 21 октября. Понедельник.
Москва*

В поле («Кругом от края и до края...»)

Кругом от края и до края
Спокойно дремлет море ржи,
Над нею в воздухе ныряя
Резвятся ловкие стрижи.

К закату близится светило
И в небе цвета василька,
Как дым далекого кадила,
Плывут и тают облака.

И если вдруг в таком просторе
Капризный ветер пробежит,
Как заволнуется все море,
Как каждый колос задрожит.

Но ветра нет и рожь не гнется,
И даль по-летнему светла,
И над цветком устало вьется,
Гудя, мохнатая пчела.

<11 декабря 1913 г. Среда.

Москва>

Первый снег («Где было к вечеру вчера...»)

Где было к вечеру вчера
Различье красок так заметно,
Сегодня груды серебра
Лежат, сияя одноцветно.

То выпал первый снег за ночь
Глубокий, матовый и чистый,
И радость скрыть душе не в мочь:
Ей мил приход зимы пушистой.

И все куда ни кинешь взор
Покрыто белой пеленою,
А на стекле мороз узор
Выводит кистью ледяною.

1913

«Два свежих полевых букета...»

Два свежих полевых букета
Сегодня утром за рекой
Под небом розового цвета
Моею собраны рукой.

В них незабудки и ромашка,
И золотцвет и васильки,
И колокольчики и кашка
Смешали вместе лепестки.

Как не приветствовать их песней,
Когда возьмешь их в руки ты
И скажешь: «Есть ли, что прелестней,
Чем эти скромные цветы!...»

1913

«Милый друг, как красив этот вид!.. Посмотри...»

Милый друг, как красив этот вид!.. Посмотри:
Там далеко-далеко за лугом,
Позлащенный сияньем вечерней зари,
Возвышается лес полукругом.

А налево неровною лентой река,
Извиваясь, сверкает волнами,
То скрываясь от нас меж кустов ивняка,
То опять серебрясь перед нами.

И за ней у дороги, где тени легли,
Чуть взволновано легкою дрожью,
Поле тянется, с небом сливаясь вдаль,
Сплошь покрытое желтою рожью.

Облака будто спят в голубой вышине,
Орумянены скрывшимся солнцем,
Нам не видно его, но в высоком окне
Оно ярким блистает червонцем.

Перед весной («Весна!.. мне сердце прошептало...»)

Весна!.. мне сердце прошептало,
Когда увидел я вчера
С какою радостью летала,
Кружась у нашего двора,

Ворон пригревшаяся стая,
Как дали неба голубы,
И как под ярким солнцем тая,
Сосульки падали с трубы.

Сегодня бешеным набегом,
Собравшись с силами, зима
Покрыла за ночь новым снегом
Деревья, лужи и дома.

Но пусть мороз стекло туманит,
Пусть рядит инеем сосну
Я верю: – сердце не обманет
Пророча близкую весну.

*<11 января 1914 г. Суббота.
Москва>*

В грустный вечер («Опять один... Смотрю в окно...»)

Опять один... Смотрю в окно...

Туманный вечер умирает
Вдали чуть зримо догорает
Зари багряное пятно.

Листами тихо шевеля,
О чем-то шепчутся березы,
И как несбывшиеся грезы
Поникли грустно тополя.

И сердце в жуткой темноте
Уединением томится,
И всем биением стремится
Вослед умчавшейся мечте.

Но тщетно!.. ей – крылатой – путь
Не преградит и неба бездна,
А сердце рвется бесполезно:
Ему темницей служит грудь.

*<14 марта 1914 г. Пятница.
Москва>*

«Майский вечер задумался... Запад нежно румянится...»

Майский вечер задумался... Запад нежно румянится...
Над зелеными нивами задымилась роса...
Серебристою змейкою речка по полю тянется,
За чертой горизонтною уходя в небеса.

Воздух ласков и сладостен напоенный дыханием
Ароматной черемухи и душистых берез,
И мечта опьяненная свежим майским лобзанием
Без усилий уносится в царство радужных грез.

Бледно палевым пологом даль заря занавесила,
Ветер вздрогнул в кустарнике и затих, не дыша...
Сердцу радостно-радостно, сердцу весело-весело,
И – как небо безоблачно – беззаботна душа.

<4 мая 1914 г. Воскресенье.

Москва>

«Недавно первый вешний гром...»

Недавно первый вешний гром
Прогрохотал по поднебесью:
«Встречайте май!..» и вот кругом
Все взволновалось этой вестью.

Вновь зацвела в саду сирень,
В траве фиалки запестрели,
И с неба ясного весь день
С лучами вместе льются трели.

А на закате соловей
Чарует слух своим напевом,
И грудь распаханых полей,
Вздохнув, дала ростки посевам.

В душе разбит сомнений гнет
И, грустным мыслям не внимая,
Любовью сердце вновь цветет,
Покорно светлой воле мая.

*<13 мая 1914 г. Вторник.
Москва>*

Майский вечер («Деревья сада...»)

Деревья сада
Застыли в дреме...
Плывет прохлада
От росных трав,
И ветер мая
Без сил, в истоме
Грустит, вздыхая,
К цветам припав.

Сияньем алым
Вся даль объята,
Там, где усталым
Уходит день,
И сладок воздух
От аромата,
Что в знойных грезах
Струит сирень.

Грудь жадно дышит
Прохладой сладкой,
И ухо слышит
Малейший звук:
Вспорхнет ли птица
В кустах украдкой,

Или промчится
С жужжаньем жук...

1914 г. 19 мая. Понедельник.

Москва

Триолет («Моей тоске причины нет...»)

Моей тоске причины нет,
Ее развеять невозможно...
Не потому ль, что я поэт
Моей тоске причины нет?
Она быть может с детских лет
Вползла мне в душу осторожно...
Моей тоске причины нет,
Ее развеять невозможно!

1914 г. 6 июня. Пятница.

Москва

Клин летом («Настало лето... Ожил Клин...») Из письма Е. М. Гусевой

Настало лето... Ожил Клин...

Играет музыка в саду

И в красной шапке господин

Руками машет как в бреду.

И все, кто был то лето там,

В саду торчат, как прежде, вновь,

И появился даже сам

«Японец» – Шурина любовь.

Борис Дерягин реалист

Блуждает с Маней вдоль аллея,

Усат, огромен и плечист

Сидит на лавке казначей.

Начальник станции Белов,

Дам клинских ярый сердцеед,

Гуляет, важен и суров,

В тужурку белую одет.

«Спиритка» как и прошлый год

Опять торопится домой,
И Лида по-саду идет
Окружена подруг толпой.

А Лиза с Шурою сидят
С студентом где-нибудь тайком,
И до забвенья говорят
О чем-то важном и большом.

И по дорожкам ходит вскачь
«Железных» служащих орда,
А за забором слышен плач
И крики: там стряслась беда.

В Клину живет моя родня,
Ну словом, все как прошлый год,
И только лишь теперь меня
Там одного не достает.

Но я приеду как-нибудь
И появлюсь в саду у вас,
Ведь мне известен этот путь...
Прощайте!.. Кончен мой рассказ!..

1914 г. 7 июня. Суббота.

Москва

«Цветы покорно увядают...»

Цветы покорно увядают,
Им тесно в узком кувшине;
Они тоскуют и мечтают
О солнце, росах и весне.

Еще вчера они встречали
Среди полей рождение дня,
А нынче полные печали
Стоят и вянут у меня.

И я тоскую вместе с ними
И горький жребий их кляню,
Мне больно видеть их такими
Полузачахшими в плену.

И ум томит вопрос обычный:
Зачем сгубили их расцвет?
Ведь нет для них весны вторичной,
Расцвета нового им нет!

*<28 июня 1914 г. Суббота.
Москва>*

Загадка («Вчера на «Чортовом мосту»...») Рассказ почтенного человека

Вчера на «Чортовом мосту»
Мы с другом Ванею сидели...
Кругом сирень была в цвету
Садилось солнце, пташки пели,

Вился дымок от папирос,
И задремал мой Уховертов,
Меня же вдруг кольнул вопрос:
«А почему мост этот – Чортов?!..»

Я осмотрелся: мост как мост...
Но, может быть, здесь чорт женился,
Иль оторвав свой тощий хвост,
Им в пьяном виде удавился.

Тогда об этом сообщи,
Понятно, коротко и ясно,
А то, изволь, смотри, ищи
И трать свои мозги напрасно!

Вопрос, как видите, не прост?..

И я ищу, соображаю,
Но почему он – «Чортов мост»
Я до сих пор еще не знаю?

И если здесь из вас, medames,
Кому-нибудь о том известно,
Скажите мне, – я все отдам, —
Настолько это интересно!..

1914 г. 3 июля. Четверг.

Москва

Июль («Вечер даль закрыл фатой...»)

Вечер даль закрыл фатой,
Окропил росой травы,
Выплыл месяц золотой
Из-за дремлющей дубравы.
Звезд алмазные зрачки
В небе вспыхнули пугливо,
И блеснули торопливо
В тусклом зеркале реки.

Сладко дышит старый сад,
Там в цвету из лип аллея,
Листья тихо шелестят,
Полусна стряхнуть не смея.
И колышется как тюль
Вдалеке туман молочный,
И как отрок непорочный
Грезит ласковый июль.

*<22 июля 1914 г. Вторник.
Москва>*

Перед увяданьем («Дни все короче и короче...»)

Дни все короче и короче...
Сегодня меньше чем вчера;
Темней, тоскливей стали ночи
И холоднее вечера.

Над речкой ладаном кадильным
С утра висит лиловый дым,
И уже выглядит бессильным,
Что летом было молодым.

Поля желты и сиротливы,
Не слышно песен на воде,
И в пыльных ветках старой ивы
Блеснуло золото кой-где.

И утомленная природа,
Как на смерть раненый боец,
Встречает с грустью вечер года,
Свой близкий чувствуя конец.

<31 июля 1914 г. Четверг.

Москва>

«Опять пахнуло лаской вешней...»

Опять пахнуло лаской вешней
Над белым зимним царством сна,
И точно силою нездешней
Душа опять пробуждена.

И после долгого покоя
Ее вдвойне волнуют вновь
И вдохновенье молодое
И жажда счастья и любовь.

*1914 г. 20 октября. Понедельник.
Москва*

В эти дни («Теперь, когда весь мир кругом...»)

Теперь, когда весь мир кругом
Горит в огне великой битвы,
Лишь о победе над врагом
Мои мечты, мои молитвы.

Я бросил все, о чем мечтал,
Забыл все прежние стремленья,
И счастья личного бокал
Я расплескал без сожаленья.

О, разве может быть теперь
Хоть призрак счастья в нашей жизни,
Когда коварный враг как зверь
Грозит святыне и отчизне?

И разве милый женский лик
И поцелуи и объятья,
Меня заставят хоть на миг
Забыть о том, что гибнут братья?

О, нет!.. Пока орудий гром
Разносит смерть на поле битвы,
Лишь о победе над врагом

Мои мечты, мои молитвы...

1914 г. 28 октября. Вторник.

Москва

Со славой павшим («Мои возлюбленные братья...»)

Мои возлюбленные братья,
Жизнь положившие в бою,
Для вас Христос раскрыл объятия
И ожидает вас в раю.

Его ласкающие руки,
Его святой глубокий взгляд,
Все ваши горести и муки
Благословят и исцелят.

Вы здесь нашли венок терновый:
В расцвете сил легли в бою,
И ждет вас в вашей жизни новой
Блаженство вечное в раю!

1914 г. 19 ноября. Среда.

Москва

«Затихла в потемках аллея...»

Затихла в потемках аллея
Полузадремавшего сада,
В ней запахом ландышей вея,
Плыла майской ночи прохлада.

Сквозь бледно-зеленую сетку
Недавно расцветших акаций,
Луна освещала беседку
И двух алебастровых граций.

И слушала ночь голубая
Как листья березы и клена,
В тиши осторожно вздыхая,
Друг с другом шептались влюблено.

*<29 ноября 1914 г. Суббота.
Москва>*

Осенние думы («Как грустно: – осень! А давно ли...»)

Как грустно: – осень! А давно ли
Цвела прекрасная весна,
И зеленели в талом поле,
Прорвавшись к свету с жаждой воли
Из недр подземных семена?

Давно ли лето золотое
Обириюзовив небосклон,
Томило нас дыханьем зноя
И сладким запахом левкоя
Был сад поутру напоен?

Теперь – не то!.. Луга пустынные,
Цветы на клумбах отцвели,
А вечера темны и длинны,
И тонкой сеткой паутины
Кустарник чахлый заплели.

Но все ж у осени унылой,
Как у несбыточной мечты,
Довольно есть поэту милой,
Такой беспомощной и хилой,
Но просветленной красоты.

<29 ноября 1914 г. Суббота.

Москва>

Любовь («Любовь это тихое счастье...»)

Любовь это тихое счастье,
Любовь – яркий солнечный луч
В тумане земного ненастья
Блистающий нам из-за туч.

Любовь это вздох аромата
Весенних душистых цветов,
Любовь – поцелуи заката
На чистых краях облаков.

Любовь это женская ласка, —
Души многоцветный расцвет,
Любовь вдохновенная сказка
О царстве, которого нет.

И если любовь нас обманет,
Ее призываем мы вновь,
И жизнь наша краткая вянет,
Когда не приходит любовь.

*<1 декабря 1914 г. Понедельник.
Москва>*

Облака («Над засыпанной снегом равниной...»)

Над засыпанной снегом равниной,
Серебря завитые бока,
Вереницей причудливо-длинной
Проплывают на юг облака.

Надоел им наш север суровый,
Царство сильных морозов и выюг,
И красую заманчиво-новой
Их влечет обольстительный юг.

Облака, облака, я тоскую!..
Облегчите томленье мое,
Вы возьмите тоску мою злую
И развейте по ветру ее.

И спеша за лазурное море,
В лучезарное царство весны,
Вы мое безысходное горе
Бросьте в бездну морской глубины.

Но не слышит небесная стая
Горьких жалоб и стонов моих,
И плывет под лучами блистая

В океане небес голубых.

1914 г. 20 декабря. Суббота.

Москва

«Еще деревья не успели...»

Еще деревья не успели
Одеться в нежный пух весны,
А резвых жаворонков трели
С утра до вечера слышны.

Сияет неба синь густая,
И в нем спеша издалека
Плывут под вешним солнцем тая
На свет сквозные облака.

И ветерок так робко дует,
Кустами ласково шая,
И новой жизнью торжествует
С весной воскресшая земля.

1914

«Я шел один дорогой пыльной...»

Я шел один дорогой пыльной...
День на закате умирал,
В последней вспышке луч бессильный
На темных тучах догорал.

Вставал туман с сырой низины
И полз над нивами к реке,
И придорожные осины
Дрожали в страхе и тоске.

И было странно так, что мнилось
Как будто неба полумгла
Какой-то тайною томилась,
Но эту тайну берегла.

1914

«Не унывайте же, друзья...»

Не унывайте же, друзья,
Глядите в будущее смело;
Мы победим, уверен я:
Мы бьемся за святое дело.

Враги сильны, но не пробить
Им никогда наш щит железный;
Все их усилья бесполезны,
Россию им не победить.

И – пусть ужасны дни войны —
В разгром врагов мы будем верить:
Они уже истомлены,
А нашей силы не измерить!

*1915 г. 3 января. Суббота.
Москва*

«Когда над нашею страною...»

Когда над нашею страною
Жестокий враг занес свой меч,
Чтоб окровавленной рукою
Ее разграбить и зажечь, —

Мы поднялись на битву смело,
И взмахом русского штыка
Назад далеко отлетела
Тевтона дерзкая рука.

Теперь наш меч как Божья кара
Висит над ними, и у них
Едва ли хватит сил таких,
Чтоб защититься от удара.

*1915 г. 5 января. Понедельник.
Москва*

«В ясный день пробужденья природы...»

В ясный день пробужденья природы,
Когда солнце теплом поцелуя
Взбудоражит весенние воды
И они разольются, ликуя,

И с утра будет даль бирюзовой,
И со снегом исчезнет дремота,
И оденутся зеленью новой
И леса, и луга, и болота, —

Сердце молвит мне тихо: «Воскресни,
И без всякого предубежденья
В легких строфах лирической песни
Прославляй красоту возрожденья!..»

*<12 января 1915 г. Понедельник.
Москва>*

«Как ласково небо закатное...»

Как ласково небо закатное
Весеннего вечера;
Дыханье берез ароматное
Проносится в воздухе.

Ни звука, ни вздоха над нивами,
Как будто все вымерло;
Дорога уходит извивами
К румяному западу.

И вместе с природою сонною
Мечтами овеванный,
Иду я межою зеленою
В вечернем безмолвии.

И мне вспоминается нежная
Любовь моя первая,
А на сердце грусть неизбежная
И тихая ласковость...

*<14 января 1915 г. Среда.
Москва>*

«Безотрадной осенней порою...»

Безотрадной осенней порою,
Когда плакал сентябрь листопадом,
Улыбнулося небо зарею
Над смертельно-простуженным садом.

И от этой улыбки участья
Оживившись, в согласии дружном
Листья лип для минутного счастья
Загорелись румянцем недужным.

И почуяв, что век его прожит,
Сад окутанный дремою зыбкой
Упивался, последней быть может,
Заревой золотистой улыбкой.

*<20 января 1915 г. Вторник.
Москва>*

Письмо из лазарета

(«Дорогие мои, извините...»)

Дорогие мои, извините,
Что давно не писал вам, тревожить
Не хотел без причины, поймите,
Вот, все думал, поправлюсь, быть может.

Я был ранен, сказали – опасно,
И лежу шесть недель в лазарете;
Но теперь уж надежда напрасна,
Не жилец я, как видно на свете.

Помню, были ненастье и холод,
Мы весь день просидели в бараке,
И под вечер, во время атаки
Я ударом штыка был проколот.

Но сейчас, умирая, поверьте,
Я душой совершенно спокоен,
Я был родине верен до смерти
И сражался как доблестный воин.

Обо мне, я молю, не грустите,
Ведь и так у вас горя довольно...
Ослабела рука... сердцу больно...

Дорогие... прощайте... простите...

1915 г. 26 января. Понедельник.

Москва

На поле боя («Туман окутал поле боя...»)

Туман окутал поле боя,
Ночь прилегла на грудь земли,
И звезды – вестники покоя —
Свои светильники зажгли.

И под покровом влажной ночи,
В глубокий сон погружены,
Лежат, смежив навеки очи,
Отчизны верные сыны.

Весна баюкает их сказкой,
Благоухают им цветы,
И ветер освежает лаской
Их утомленные черты.

Когда же ясен и спокоен
Затеplit день востока нить, —
Сойдет с небес крылатый воин,
Чтоб павших сон благословить.

1915 г. 27 января. Вторник.

Москва

«Мы уснули... нам снится мучительный сон...»

Мы уснули... нам снится мучительный сон;
Затоптав сапогами скрижали любви
И о Боге забыв, кровожадный тевтон
Хочет мир потопить в неповинной крови.

Но растают виденья тяжелого сна,
Смолкнет гул канонады над лесом штыков,
И вздохнет полной грудью родная страна,
Навсегда сокрушив мощь надменных врагов.

И прорвавшись сквозь груды нахмуренных туч,
Еще ярче над ней после грома войны,
Заблестит золотой ослепительный луч
Вечной славы и мирной святой тишины.

1915 г. 29 января. Четверг.

Москва

«Ты так нежно прильнула ко мне...»

Ты так нежно прильнула ко мне...
И земная ты вся и небесная...
Я дрожу, я горю как в огне,
Ах, сейчас к новой жизни воскресну я!

Я в твои погружаюсь глаза,
Они тайной любви затуманены;
Нас одна всколыхнула гроза
И одною стрелою мы ранены.

Тело жаждет и просит тебя,
Сердце бьется с мучительной силою,
Я томлюсь, я стораю, любя...
Дорогая!.. Желанная!.. Милая!..

*1915 г. 9 февраля. Понедельник.
Москва*

России («Многострадальная страна...»)

Многострадальная страна,
Любвеобильная Россия,
Твоя могучая стихия
До глубины возмущена.

Сгустились тучи над тобой
И гром войны неожиданно грянул,
Но дружно твой народ воспрянул
Врагами вызванный на бой.

И помня битву под Полтавой
И Куликовскую страду,
Он сокрушит в борьбе кровавой
Культурных варваров орду.

И будет время – в диком страхе,
В столице вражеской страны,
К твоим ногам падет во прахе
Безумец, жаждавший войны.

*1915 г. 13 февраля. Пятница.
Москва*

«Помню миг расставанья с тобою, мой друг!..»

Помню миг расставанья с тобою, мой друг!..
Ты пришла проводить в путь далекий меня,
И в глазах твоих ясных светился испуг,
Словно темная туча в сиянии дня.

Ах, еще никогда мне твоя красота
Не казалась милей, чем в тот памятный миг...
Ты глубоко дышала, дрожали уста
И слегка побледнел от волненья твой лик.

И прощаясь, быть может навек, нежный взор
Мне мгновенною лаской без слов рассказал
То, что было несбыточным сном до сих пор,
То, о чем я так долго, так страстно мечтал.

И в разгаре сраженья под жарким огнем,
И больным в тишине лазаретных палат,
Я не раз вспоминал и средь ночи и днем
Этот милый, так много сказавший мне взгляд...

1915 г. 17 февраля. Вторник.

Москва

«Сраженный пулей роковой...»

Сраженный пулей роковой,
Я умирал на поле битвы,
И надо мною ангел мой
Творил последние молитвы.

Чуть жизнь во мне еще цвела...
Сквозь полусомкнутые вежды
Я видел белых два крыла
И серебристые одежды.

Но я не сожалел себя,
Я пал за праведное дело,
И лишь, родная, за тебя
Душа томилаась и болела.

Я знал, что ты должна страдать,
Что будет жизнь тебе лишь мукой,
И мне хотелось увидеть
Тебя пред долгою разлукой.

И осенил архистратиг
Меня крылом и, умирая,
Я увидал в последний миг
Твои черты в посланце рая.

1915 г. 24 февраля. Вторник.

Москва

Христос воскрес!.. («Над лесом птичьи голоса...»)

Над лесом птичьи голоса
Апрельским утром прозвучали:
«Христос Воскрес!.. Прошли печали!..»
И просветлели небеса.

И звонкий птичий возглас лес
С весенней искренностью встретил,
И с шумом радостным ответил:
«Христос Воистину Воскрес!..»

Услышал ветер молодой,
Поверил благодному чуду
И эту весть разнес повсюду
И над землей и над водой.

И от сияющих небес
До недр земли многострадальной
Раздался дружно гимн пасхальный:
«Христос Воскрес!.. Христос Воскрес!..»

1915 г. 25 февраля. Среда.

Москва

Мухоморы в рассоле («Мухоморы в рассоле!.. Мухоморы в рассоле!..»)

Мухоморы в рассоле!.. Мухоморы в рассоле!..
Пять копеек десяток, три копейки пяток!..
Это едко без перца, это вкусно без соли,
Это кровь будоражит как горячий шесток!..

Покупайте и ешьте их без нытья и укора,
И девица, и женщина, и юнец, и старик;
В вашем сердце потемчатом паразитально-скоро
Запоет баритоном ослепительный миг.

И смакуя изысканно, вы как рюмкой портвейна
Их запейте немедленно кубком наших поэт,
И вам будет восторженно, солнечно и легковейно
Точно в душу вам полночью кто-то лапчатый влез.

Ваша кровь заплескается как мечта в ореоле,
Ваше сердце распарится как в котле кипятков!
Мухоморы в рассоле!.. Мухоморы в рассоле!..
Пять копеек десяток, три копейки пяток!..

1915 г. 2 марта. Понедельник.

Москва

«Вдали от неба голубого...»

Вдали от неба голубого,
Где блещут вечные огни,
Влачу в бездействии я снова
Свои безрадостные дни.

Томлюсь нездешнею тоскою
И в лихорадочном бреду
Изнемогающей душою
От жизни милостей не жду.

Ах, если б можно было птицей
В далекий край умчаться мне,
Иль ослепительной зарницей
Блеснуть в лазурной вышине.

1915 г. 5 марта. Четверг.

Москва

На взятие Перемышля («Ликуйте русские сердца...»)

Ликуйте русские сердца:
Твердыни Перемышля пали,
И лавры нового венца
Героев наших увенчали.

Не устоял бескрылый враг
Перед орлиным русским взлетом,
И бело-сине-красный флаг
Взвился над вражеским оплотом.

И ослепленная страна,
Что целый мир зажгла пожаром,
Теперь до недр потрясена
Всесокрушающим ударом.

Огни победного конца
Сильней и ближе замерцали...
Ликуйте русские сердца:
Твердыни Перемышля пали!

*1915 г. 10 марта. Вторник.
Москва*

Под осень («Как грустен старый парк под осень...»)

Как грустен старый парк под осень
На склоне августовских дней:
Безжизненная неба просинь
Как будто стала зеленей.

Спокойный пруд затянут тиной,
В беседке – тишь, скамьи пусты,
И шелковистой паутиной
Кой-где опутаны кусты.

Но в тишине природы сонной,
Под сенью блекнувших аллей,
С душой любовью окрыленной
В уединении милей,

Когда закат зажжется алый,
Себя в былое заманить,
И размотать мечтой усталой
Воспоминаний сладких нить.

*<12 марта 1915 г. Четверг.
Москва>*

«И даль в опаловом тумане...»

И даль в опаловом тумане,
И звон протяжный колокольный,
И облаков сквозные ткани,
И рыхлый снег, и ветер вольный,

И пробужденные березы,
И встрепенувшиеся воды,
И бриллиантовые слезы,
От счастья плачущей природы, —

Все сердце радует и нежит
И согревает мыслью сладкой,
Что для него опять забрезжит
Неугасимую лампадкой

Навстречу первым вешним грезам
И зеленеющим побегам,
Все, что в нем сковано морозом
И обесчувствовано снегом.

1915 г. 25 марта. Среда.

Москва

Междупланетная трагедия («Это было в пучинах пространства...»)

Поэза об ананасе

Это было в пучинах пространства,
Где нет грязных шоссежных дорог,
Где луна побледнела от пьянства
Как прокисший в июле творог.

На порхающем автомобиле,
Распростившись с землей навсегда,
Мы с тобой комфортабельно плыли
Неизвестно зачем и куда.

Я одет был изысканно-модно
В голубой элегантный сюртук,
И мне было нездешне-свободно
Без земных наутюженных брюк.

Ты была в ожасминенном платье
В сорок раз импозантней себя,
И от страсти не мог не стонать я,
То и дело сюртук теребя.

Рядом с нами кружились кометы

И хвостами царапали нас;
Ты жевала свиные котлеты,
Я же с жадностью ел ананас.

Вдруг мое гениальное сердце
Задрожало как по-ветру лист,
Я заметил, что ешь ты без перца
И от этого стал серебрист.

И мне сделалось мокро как-будто
На меня опрокинули Нил,
И ногой, что была необута,
Я – увы! – ананас уронил.

И теперь ничему я не внемлю,
Потому что в бездарный тот час
Нам пришлось возвратиться на землю,
Чтобы здесь отыскать ананас.

1915 г. 4 апреля. Суббота.

Москва

«Я шел среди полей безбрежных...»

Я шел среди полей безбрежных
И утомленный в рожь прилег,
И надо мной на крыльях нежных
Кружился резвый мотылек.

Жара спадала... Было тихо...
И за проселком вдоль межи
Еще незрелая гречиха
Почти касалась спелой ржи.

Алела даль где солнце скрылось,
Метнув лучами в облака,
И сердце ровно-ровно билось,
И мысль была легка-легка.

Хотелось все сомненья бросив,
В прозрачном воздухе тайком,
Порхать над золотом колосьев
За легкокрылым мотыльком.

*<16 апреля 1915 г. Четверг.
Москва>*

«Я люблю в тихий полдень под осень...»

Я люблю замирание эхо...
И. Анненский

Я люблю в тихий полдень под осень
Облетающих листьев игру,
Я люблю гул нахмуренных сосен
Перед бурей в столетнем бору.

Бирюзовою полночью мая —
В бледном небе алмазную дрожь,
И люблю, когда ветер, играя,
Всколыхнет задремавшую рожь.

Я люблю розоватые зори, —
Сад из яблонь в весеннем цвету,
Я люблю томность в девичьем взоре
И везде и во всем — красоту.

<9 мая 1915 г. Суббота.
Москва>

Это было на даче... («Это было на даче, где густая рябина...»)

Это было у моря, где ажурная пена...
Игорь Северянин

Это было на даче, где густая рябина,
Где сквозь щели стенные продувает сквозняк,
На террасе играли в карты два господина,
Из которых один шулер был наверняка.

Было все очень тихо, было все очень мило,
Но один передернул, а другой увидал,
И ладонь его метко в самый раз угодила
По ланите партнера и поднялся скандал.

А потом подрались, подрались свирепо,
До прихода полиции дрались они...
Это было на даче, где оранжева репа,
Где густая рябина и торчащие пни.

1915 г. 27 мая. Среда.
Москва

Поэза о самом себе («Я вездесущ... Весь век свой странствуя...»)

Я вездесущ... Весь век свой странствуя,
То по земле блуждаю, то
Лечу в небесное пространство я
На монопланенном авто.

Там у меня свиданье с Маней в шесть
От Марса с правой стороны,
Где кокаином одурманившись
Юпитер дрыхнет у Луны.

Пойду куплю конфет для Мани я,
Чтобы ее напичкать всласть,
Но впрочем вряд ли на свидание
Удастся нынче мне попасть.

Моя душа смертельно ранена:
Ее лягнул клешнею рак,
А вы читайте Северянина,
Кто не читает, тот – дурак!

1915 г. 28 мая. Четверг.

Москва

Осенний сонет («Осенний день прозрачен как хрусталь...»)

Осенний день прозрачен как хрусталь;
Зацветший пруд покрылся вязкой тиной,
И облака, раскрыв свой веер длинный,
Сквозят на свет как белая вуаль.

В просвет ветвей синеет мягко даль,
Пленяя сердце сладкою кручиной;
Печален лес пред близкою кончиной,
Ему промчавшегося лета жаль.

Как хорошо в разгаре листопада,
В безмолвии зардевшегося сада,
Сбирать в букет опавшие листья,

И созерцая в красках увяданья
Очарованье поздней красоты,
Всласть упиваться грустью без страданья.

<30 мая 1915 г. Суббота.

Москва>

Вечерняя рондель («Зари вечерней полоса...»)

Зари вечерней полоса
Лилово-палевого цвета;
Земли дыханием согрета,
Мелькает в воздухе оса.
Луга, дорога и леса,
Все – синим сумраком одето.

Зари вечерней полоса
Лилово-палевого цвета.
Звучат за речкой голоса
И замирают без ответа,
И пышно гаснет в нимбах света,
Темня с востока небеса,
Зари вечерней полоса.

<8 июня 1915 г. Понедельник.

Москва>

Послание из Малаховки («К Вам в Белосток...»)

Е. В. Шоломытову

К Вам в Белосток
Я шлю листок
Малаховской березы,
И пусть он там
Расскажет Вам
Мои мечты и грезы.

Пишу в стихах,
Хоть тайный страх
Меня томит и гложет:
Вдруг Вы с тоской,
Махнув рукой,
Воскликнете быть может:

— «Ах, милый друг,
Перо из рук
Навек бросай скорее;
Под счет «раз-два!»
Руби дрова
И будь вперед умнее!...»

Но, может быть,
Такая прыть
В душе у Вас воспрянет,
Что на весь дом,
Как в небе гром,
Ваш тихий голос грянет:

– «Друг Николай,
Ты воспевай
Красу душистых маев,
Пиши, пиши,
В ночной тиши,
Когда все спят, Минаев!..»

1915 г. 10 июля. Пятница.

Малаховка

В день годовщины («В день годовщины, как и прежде...»)

В день годовщины, как и прежде
В час объявления войны,
Мы так же в пламенной надежде,
Мы так же бодры и сильны.

Хоть не однажды неудачам
Пришлось тревожить нам сердца,
Но мы встречали их не плачем,
А верой в торжество конца.

Пусть враг в озлобленном бессильи
Уничтожает все кругом,
Не раздавить ему России
Своим железным сапогом!

1915 г. 19 июля. Воскресенье.

Малаховка

Апрельский день («Апрельский день лучист и светел...»)

Апрельский день лучист и светел,
Стремглав ручьи бегут, журча;
Вчера я в первый раз заметил
В саду на дереве грача.

Восходит пар от мокрой крыши
И с рыхлых стаявших полей,
И солнце с каждым днем все выше
И прогревает веселей.

Пускай еще в сыром овраге
Лежат последние снега,
Как клочья вымокшей бумаги,
Борьба их с солнцем не долга.

Все, что корою ледяною
Сковал безжалостный мороз,
Пробуждено от сна весною
И новой жизнью налилось.

И сердце ноет сладкой болью,
И напролет весь долгий день
Зовет к широкому раздолью

В глушь живописных деревень.

<9 ноября 1915 г. Понедельник.

Москва>

И. П. Сидорову («Пожелаю я Вам всей душой...») Из письма

Пожелаю я Вам всей душой
Процветанья в строительном деле,
И чтоб дали Вам отпуск большой
На четыре бы целых недели.
Чтоб судьбе своенравной назло
Вы бы стали ужасно богаты,
Чтоб Вам в жизни чертовски везло,
И чтоб Вас не забрали в солдаты!

1916 г. 7 января. Четверг.

Москва

Бабочка («Сильно и смело...»)

Сильно и смело
Бабочка бьется о стекла;
Больно ей тело,
Краска на крыльях поблекла.

Тщетны усилия
Бабочки с грудью атласной,
Слабые крылья
Бьются о стекла напрасно.

С этою силой
К воле она не пробьется...
Бабочке милой
Лишь умереть остается.

*<15 января 1916 г. Пятница.
Москва>*

«День неприветлив и короток...»

День неприветлив и короток,
И дует от оконных рам,
И на карнизах и воротах
Сверкает иней по утрам.

Дрожат общипанные ветки,
Больны предчувствием беды,
И на дорожке у беседки
Водой наполнены следы.

И редко солнца луч проглянет
В просвет сквозь тучи на заре;
Все близкой смерти ждет и вянет
В бесцветно-мутном октябре.

Дождем и гнилью пахнет воздух,
И резко сквозь сырую мглу
Мерцает небо в крупных звездах
С Большой Медведицей в углу.

*<20 января 1916 г. Среда.
Москва>*

Подснежник («Лишь весны благодатная нега...»)

Лишь весны благодатная нега
Разнесет над землей свой привет,
Из-под слоя последнего снега
Взглянет первый подснежник на свет.

Где-нибудь на пригорке укромном,
Словно робко скрываясь от глаз,
Он появится вестником скромным
Доброй вестью порадовать нас.

И его увидав мы уж знаем,
Что весна к нам направила путь,
И что вместе с пленительным маем
Сладко будет и нам отдохнуть.

<17 февраля 1916 г. Среда.

Москва>

«Уже сияет солнце ярко...»

Уже сияет солнце ярко
И в полдень звонко каплет с крыш,
А в вековых аллеях парка
Еще весны не различишь.

Но близок день ее прихода,
Всего неделя – две, и вот
Очнувшись чуткая природа
Гимн возрождения запоем.

С безумной жаждою простора
С крутых пригорков на поля
Ручьи помчатся скоро-скоро,
Журчаньем слух развеселяя.

И март беспечный птичьей трелью,
Перед своим уходом в день,
Промолвит кроткому апрелю:
«Природу в зелень ты одень!...»

И брату старшему внимая,
Апрель деревьям даст листы,
Чтобы встретить день рожденья мая
И мой в цветеньи красоты.

<12 марта 1916 г. Суббота.

Москва>

«В синем небе на солнце жемчужится...»

В синем небе на солнце жемчужится
Облаков шелковистая пена,
И сверкает как зеркало лужица
Глубиной воробьям по колено.

В стороне от дороги проселочной,
Где не ходит никто уже сухо,
И с жужжаньем над веткою елочной
Закружилась веселая муха.

В теплом воздухе сладость весенняя,
Запах свежести, влаги и прели,
И душа дождалась воскресения
Вместе с каждой былинкой в апреле.

*<15 марта 1916 г. Вторник.
Москва>*

Весна в Зубцове («Вот уж март... над зимою смеясь...»)

Из письма Е. В. Шаломытову

Вот уж март... над зимою смеясь,
Солнце в полдень печет понемногу;
Непролазная липкая грязь
Превратила в болото дорогу.

Полоскается в луже свинья
И четыре ее поросенка;
Воробьев развеселых семья
На заборе чирикает звонко.

Роясь в куче навоза, петух
Закричит неестественно дико,
И затем напрягая свой слух
Ждет такого же дикого крика.

Моет баба белье у ворот
И клянет свою горькую долю,
И широко разинув свой рот
Скачет мальчик на палке по полю...

1916 г. 2 апреля. Суббота.

Москва

Майским утром («Майский солнечный день...»)

Майский солнечный день...

Все кругом расцвело;

Распустилась сирень

И стучится в стекло: —

«Пробудись!.. Полно спать,

Звукам утра внимай,

Посмотри-ка: опять

К нам пришел юный май!

Год природа ждала

Этих радостных дней,

Им она отдала

Все, что было у ней:

И свою красоту

И свой вешний расцвет;

Посмотри, все в цвету,

Все – улыбка и свет.

Счастья близкого жди:

Ясным пламенем вновь

В просветленной груди

Загорится любовь.

Все теперь нипочем,
Все возможно: ведь – май!
Не грусти ни о чем
И скорее вставай!..»

*<29 апреля 1916 г. Пятница.
Москва>*

Памяти К. М. Фофанова («В расцвете радостного мая...»)

В расцвете радостного мая,
Когда так жадно дышит грудь,
Земли дыханье принимая,
Окончил ты свой трудный путь.

И пусть весна к твоей могиле
Пять раз прокладывала след,
Но мы тебя не разлюбили
И не забыли, наш поэт.

Бессильна черствой жизни плесень
Коснуться светлой красоты
Тех вешних грез, тех летних песен,
Что соловьем пропел нам ты.

Они своей певучей силой
Нас греют в холоде и мгле...
Спокойно спи, поэт наш милый,
Ты много сделал на земле!

<17 мая 1916 г. Вторник>

«Счастье какое увидеться снова...»

Счастье какое увидеться снова,
После разлуки друг друга обнять,
Сердцем взволнованным сердца родного
Радостный трепет почуять опять.

Взором тонуть в затуманенном взоре,
Видеть черты дорогого лица,
Сразу забыть все тревоги, все горе
И целовать-целовать без конца.

В сердце израненном острой тоскою
Только сияние, только любовь...
Неизъяснимое счастье какое
После разлуки увидеться вновь!

*<15 июня 1916 г. Среда.
Магино, Моск. губ.>*

Женя и Дора («Женя пишет сонату и скерцо...») Отрывки из дневника беспристрастного наблюдателя

Из письма Е. П. Павлову

20 июня.

Женя пишет сонату и скерцо,
Четверть суток сидит за роялем;
Дора с тайной печалью на сердце
Бродит взором по облачным далям.

21 июня.

Женя пишет, пишет, пишет,
Он кончает акт балета;
Дождь пошел, он и не слышит,
Наплевать ему на это.

А Доре беспричинно больно,
Она вздыхает и грустит,
И очень-очень недовольна,
Что дождь по веткам шелестит...

22 июня.

Женя снова пишет и играет,
Над бумагой наклонив свой профиль;
Дора снова сумрачно вздыхает
И от скуки кушает картофель.

23 июня.

Женя кончил скерцо и балет,
Нынче он одной сонатой занят;
Доры же сегодня дома нет: —
Женю за душу никто не тянет...

И так далее до конца лета.

1916 г. 4 июля. Понедельник.

Магино, Моск. губ.

«Я спокоен как в юности вновь!..»

Я спокоен как в юности вновь!..
Меня больше ничто не тревожит;
В моем раненом сердце любовь
Умерла и воскреснуть не может.

Все, что было, не будет опять,
Что прошло – не появится снова,
А любить лишь затем, чтоб страдать
Слишком трудно для сердца больного.

Буду жить никого не любя,
Без тревог и ненужных страданий,
Но порой вспоминая тебя,
Может быть, не сдержу я рыданий.

*1916 г. 18 июля. Понедельник.
Магино, Моск. губ.*

Е. В. Шаломытову («Когда вечера лучезарны и долги...»)

Из письма

Когда вечера лучезарны и долги
И небо в сиянии,
Неплохо поплавать на лодке по Волге
В приличной компании.

Небрежно букет васильков бросить в воду
Пусть гонит волна его,
Сказать что-нибудь про луну и погоду
И вспомнить Минаева.

1916 г. 23 июля. Суббота.

Магино, Мос. губ.

«Октябрь... Туманно и дождливо...»

Октябрь... Туманно и дождливо;
В изнемогающем саду
Деревья голые в бреду
Друг к другу жмутся сиротливо.

Угрюмо каркает ворона —
Вещунья смерти и греха,
И ветер мечет разъяренно
Намокших листьев вороха.

И больно видеть из окошка,
К нему случайно подойдя,
Как расплывается дорожка
От бесконечного дождя.

Как все казавшееся милым
И летом тешившее глаз,
Ему является сейчас
Таким беспомощным и хилым.

Душа к отчаянью близка
Ненастный день ее тревожит
И озлобленно сердце гложет —

Как червь созревший плод – тоска.

<4 октября 1916 г. Вторник.

Москва>

«К нам снова возвратилась...»

К нам снова возвратилась
Желанная весна,
Природа пробудилась
От длительного сна.

В дыхании ветра нега,
Он бодростью живит
Нигде не видно снега,
На всем весенний вид.

Молоденькою травкой
Украсились поля,
Извилистой канавкой
Ручей бежит, бурля.

Навстречу вешним зовам
Воскреснувшей земли,
Под небом бирюзовым
Заряли шмели.

А бабочки над лугом,
Как яблонь лепестки,
Порхают друг над другом
Нарядны и легки.

И вновь душа смеется,
И пышет жар в крови,
И сильно сердце бьется
Предчувствием любви.

1916 г. 19 октября. Среда.

Москва

Узоры мороза («На стеклах узоры мороза...»)

На стеклах узоры мороза:
Вот добрая фея, вот гномик,
Вот ветка сирени, вот роза,
А вот заколдованный домик.

На стеклах промерзнувших окон
Зимою мне радуют взоры
Из снежных и ледяных волокон
Седого мороза узоры.

*1916 г. 28 ноября. Понедельник.
Москва*

«Омытая дождем природа ликовала...»

Омытая дождем природа ликовала,
Приветливо смотрел веселый майский день
Кружились бабочки и чуть благоухала
Едва расцветшая лиловая сирень.

Сырые яблони белели как от снега,
В алмазах дождевых блестели тополя,
И теплый ветерок откуда-то с разбега
Вдруг налетал на них и брызгался, шалая.

Я аромат вдыхал и слушал птичьи трели,
Я наблюдал весну в расцвете красоты,
И сел случайно там, где мы с тобой сидели,
Где о своей любви поведала мне ты.

И вспомнил я твой взор спокойный и глубокий,
Твой милый юный смех, что радовал, звеня,
И в тот же самый миг природы жизнь далекой,
Неполной и чужой вдруг стала для меня.

<13 декабря 1916 г. Вторник.

Москва>

«Неуютно и грустно в саду помертвелом...»

Неуютно и грустно в саду помертвелом,
Он почти обнажился и к смерти готов;
На размокшей дорожке пластом перепрелым
В беспорядке лежат груды ржавых листов.

Опустели скамейки в заповедной аллее
И в плетеной беседке смех веселый замолк,
И рассерженный ветер с каждым часом смелее
Рвет последние листья, завывая как волк.

В неприветливом небе ни луча, ни просвета,
Мелкий дождь как туманная серая сеть,
И не веришь, что будет когда-нибудь лето,
Что не вечно туман будет в небе висеть.

1916

Весенний сонет («Весна близка!.. Весна, весна идет!..»)

Весна близка!.. Весна, весна идет!..
Кричат грачи по сонным перелескам,
И в воздухе еще немного резком
Уже весны дыхание плывет.

К полудню солнце на припеке жжет,
Слепя глаза невыносимым блеском,
И по реке, ломаясь с гулким треском,
Вчера проплыл с верховья первый лед.

В бездонном небе шаловливый ветер
Кудрявые гоняет облака,
Купая их в дневном безгрешном свете;

Душа ясна и мысль опять легка,
И счастлив я как маленькие дети,
Что, наконец, весна уже близка.

1916

«Золотистые блики заката...»

Золотистые блики заката
Листья рдеющих кленов зажгли...
Как пожаром аллея объята
Золотыми лучами заката;
Облака словно взбитая вата
На вершинах деревьев легли...
Золотистые блики заката
Листья рдеющих кленов зажгли...

*1917 г. 15 февраля. Среда.
Москва*

И. П. Сидорову

И. П. Сидорову

1. Слезное моление («Протяните нам братскую руку...»)

Протяните нам братскую руку,
Не оставьте просящей руки:
Без муки терпим адскую муку,
Высылайте скорее муки!..

*1917 г. 16 февраля. Четверг.
Москва*

2. Дружеский совет («Я даю Вам последний совет...»)

Я даю Вам полезный совет:
Пробудившись от сна спозаранку,
На вокзале купите билет
И катите в Москву на Землянку!

1917 г. 2 мая. Вторник.

Москва

И. П. Сидорову («Когда ем блинчики верченые...»)

И. П. Сидорову

Когда ем блинчики верченые,
Оладьи или пирожки,
И вообще все испеченное
Из Вами присланной муки,

Тогда в мечтах встают и долго
Не покидают головы,
И Нижний Новгород и Волга
И, друг Иван Петрович, Вы!..

*1917 г. 6 марта. Понедельник.
Москва*

«Прощанье августа – а заодно и лета...»

Прощанье августа – а заодно и лета —
Неторопливая и милая пора;
Весь день еще тепло, весь день земля пригрета,
Но не по летнему прохладны вечера.

Оранжевой листвой усыпаны дорожки
И запах тления сильнее с каждым днем,
Газон помят детьми, их маленькие ножки
Нечеткие следы оставили на нем.

Покинутый балкон затянут паутиной
И с шатких ступеней листья не сметены,
И серебристый шар торчавший над куртиной
Куда-то унесен до будущей весны.

Как будто в полусне безмолвствует природа,
Покой и тишина под просинью густой,
И в сердце тишина, в такое время года
Ему не по пути с шумливой суетой.

1917 г. 2 мая. Вторник.

Москва

«Что такое счастье?.. Это неизвестно...»

Что такое счастье?.. Это неизвестно...

Счастье мимолетно словно мотылек,
Каждый знает только, что оно чудесно,
И что путь ко многим для него далек.

Что такое горе?.. Это знает каждый...

Горе это раны сердца от потерь,
Это то, что в жизни будет не однажды,
Это перед счастьем запертая дверь!..

1917 г. 16 мая. Вторник.

Москва

«Солнце беспощадно жжет весь день с утра...»

Солнце беспощадно жжет весь день с утра...
Раскаленный воздух недвижим и сух;
Колосится рожь, приятна ей жара,
И над нею выются стаи сонных мух.

Изредка вдруг ветер ниву всколыхнет,
Но через мгновенье снова тишь и гладь,
Иногда в колосьях василек мелькнет
И средь ржи сейчас же спрячется опять.

В небе неподвижно виснут облака,
Словно белоснежный скомканный атлас,
И вдали сверкает зеркалом река,
Отраженьем солнца ослепляя глаз.

1 июня 1917 г. Четверг.

Москва

«Ты ушла от меня навсегда...»

Ты ушла от меня навсегда,
Ты теперь будешь жить для другого...
И пройдут за годами года,
А тебя не увижу я снова.

И пройдут за годами года,
Но душа не привыкнет к разлуке,
Она будет такой и тогда:
Изнемогшей от горя и муки.

Она будет такой и тогда:
Безутешной, смертельно-больною...
Ты ушла от меня навсегда,
Я не знаю, что станет со мною!..

*<8 июня 1917 г. Четверг.
Москва>*

Довольно! («Довольно лживых обещаний...»)

Тому, в ком совесть не мертва.

Довольно лживых обещаний,
Противных здравому уму,
И бестолковых совещаний
Не приводящих ни к чему!

Довольно нудных разговоров
И барабанных громких фраз,
Партийных дрызг, нелепых споров —
Всего позорящего нас!

Смешно болтать по-детски что-то
Когда вся родина в огне,
Когда лишь дружная работа
Поможет гибнущей стране.

Когда от ран изнемогая,
Во прах повержена врагом,
Она лежит едва живая
Под беспощадным сапогом.

И в эти дни разрухи грозной,

Тому, в ком совесть не мертва,
Пора забыть – пока не поздно —
Пустые бредни и слова!..

1917 г. 25 сентября. Понедельник.

Москва

Из дневника («Опять зима... Опять снега...»)

Опять зима... Опять снега
Укрыли землю белой шалью,
Опять душа больна печалью
И ночь томительно-долга.

Трещит пылающий камин
И сидя перед ним уныло,
Я вспоминаю все, что было
И почему теперь один.

Вчера, еще до темноты,
Ты собралась идти куда-то,
Я знал, что ты не виновата,
Что не вернешься больше ты.

Я сам хотел сказать: «Прости!...»
Я сам считал себя неправым,
Но с равнодушием лукавым
Я допустил тебя уйти.

И нервно муфту теребя,
Ты ожидала только слова,
Но я безмолвствовал сурово,

А нынче плачу без тебя.

В углу шуршит бумагоймышь,
Часы стучат однообразно,
И жду я, может быть напрасно,
Что ты вернешься и простишь...

<14 декабря 1917 г. Четверг.

Москва>

«Необозримые поля...»

Необозримые поля...

Ширь без границ, простор без края...

Вдали плетется воз, пыля,

И тлеет запад, догорая.

Торчит чахоточный овес,

На взгляд убог, на ощупь колок,

И грубые следы колес

Обезобразили проселок.

Томится группа тощих ив,

Склонясь к воде зеленоватой,

И клочья облаков, застыв,

Висят растрепанною ватой.

Какая грусть!.. Какая тишь!..

Но сердце грусти этой радо,

Его ничем не возмутишь

И ничего ему не надо...

1917

В сумерках («Весенние синие сумерки...»)

Весенние синие сумерки
Долину окутали флером;
В зените блестящими точками
Заискрились первые звезды.

В лощине, в цветущем кустарнике
Запел кто-то грустную песню,
И в тихом безветренном воздухе
Далеко разносится голос.

Ракита как будто задумавшись
Склонилась над самым обрывом,
На фоне зари догорающей
Рисуется каждая ветка.

Душистая свежесть вечерняя
Вливается в грудь, а на сердце
Тревожно, но все-таки радостно,
Как только бывает весною...

С Новым годом («С Новым годом поздравляю...»)

В. Н.

С Новым годом поздравляю,
Шлю восторженный привет,
Счастья полного желаю
И здоровья на сто лет.

Обнимаю с пылкой силой
И затем раз больше ста
У моей целую милой
Щечки, ручки и уста.

И молю я, чтоб была ты
Вечно ласкова ко мне,
И уж если виновата
Сознавалась бы в вине.

Чтоб все горести забыла,
А сильней всего молю,
Чтобы ты меня любила
Так, как я тебя люблю!

1918 г. 1 января. Понедельник.

Москва

«Положив на колени цветы...»

Положив на колени цветы
И коснувшись губами бокала,
«С новым счастьем!..» шепнула мне ты
И глазами меня приласкала.

Я тогда промолчал, а сейчас
Я скажу: Пусть неожиданным ударом
Жизнь во всем обновится для нас,
Только счастье оставит нам старым.

Счастья нового ты не зови,
Вряд ли будет оно безмятежней:
Наше счастье лишь в нашей любви,
А любовь пусть останется прежней!..

*<2 января 1918 г. Вторник.
Москва>*

«Помнишь вечер розовый?..»

Помнишь вечер розовый?
Гас закат вдали,
Рощицей березовой
Мы с тобой шли.

Помнишь, сели рядом мы
На прогнивший пенё,
Провожая взглядами
Уходящий день?

С поля пахло сладостно
Скошенной травой,
И по-детски радостно
Было нам с тобой.

Ласкою стыдливою
Твой светился взгляд...
А когда, счастливые,
Мы пошли назад

В рощице березовой
Гас последний свет...
Помнишь вечер розовый,
Помнишь или нет?!

<11 января 1918 г. Четверг.

Москва>

«В прозрачных сумерках весною...»

В прозрачных сумерках весною,
Когда душа во власти грез,
Я ехал просекой лесною
Среди задумчивых берез.
Цвела зеленая завеса
И на закатной стороне,
Сквозь молодую чашу леса
Заря весны светила мне.
Пел соловей свой гимн хвалебный,
Блестел росой неровный путь,
И вместе с воздухом целебный
Бальзам впивала жадно грудь.

1918 г. 12 января. Пятница.

Москва

«Весной задыхаешься в каменном склепе...»

Весной задыхаешься в каменном склепе
Огромного города, сердце полно
Желаньем уйти в пробужденные степи,
Где воздух и солнце пьянят как вино.

Весною небесная глубь бирюзова,
Певучее голос, пленительней смех,
И сердце раскрыто для каждого зова
И отклик ответный находит для всех.

Весною не нужно грядущего с прошлым,
Живешь настоящим мгновеньем дыша,
И пошлое часто не кажется пошлым,
И в глупости видит наивность душа.

Весной в каждой женской улыбке загадка,
И даже у черствых светлее чело,
Весной быть любимым особенно сладко,
А быть одиноким вдвойне тяжело!

<9 марта 1918 г. Суббота.

Москва>

«Мы ехали в простой коляске...»

Мы ехали в простой коляске
По чахлым нивам ячменя,
И от усталости и тряски
В глазах мутнело у меня.

Скрипели жалобно колеса
И, догорая, запад гас,
Его лучи ложились косо
И неприветливо на нас.

Ты... но тебе и горя мало:
Поводья выпустив из рук,
Ты как ребенок задремала,
А мне тоскливо стало вдруг.

Поля, и небо, и дорога,
И скрип несмазанных колес,
Все было грустно и убого
И сердце трогало до слез.

*<28 марта 1918 г. Четверг.
Москва>*

«Смотрят сумерки в окна ко мне...»

Смотрят сумерки в окна ко мне...

Волокнистое небо так ало...

Умирают цветы на окне

В беспощадных объятьях бокала.

Робкий ветер почти не дыша,

Запах тополя в комнату вносит,

И в забвении странном душа

Никаких впечатлений не просит.

Ей желанно теперь лишь одно:

Отрешившись от помыслов здешних,

Погрузиться на самое дно

Этих розовых сумерек вешних...

<5 апреля 1918 г. Пятница.

Москва>

На даче («Над клумбой вьется мошек рой...»)

Над клумбой вьется мошек рой
И пахнет приторно жасмином,
И запад летнею зарей
Как будто вымазан кармином.

Сойду с террасы в сонный сад,
В гамак прилягу за беседкой,
Где плющ и дикий виноград
Переплелись кудрявой сеткой.

Раздастся шелканье бича
И будет видно мне из сада
Как пыль взметая и мыча,
Пройдет медлительное стадо.

Когда ж померкнет свет дневной
И скроет контуры аллея,
Я знаю, ты придешь за мной,
В потемках блузкою белея.

Ты позовешь меня пить чай
И побежишь ко мне навстречу
И поцелуем невзначай

Я вместо слов тебе отвечу.

*<1918 г. 13 апреля. Суббота.
Москва>*

«Сладко нежиться в мягкой и теплой постели...»

Сладко нежиться в мягкой и теплой постели...
Нет желанья вставать... Утро серо и хмуро...
Тополя, что вчера лишь на солнце блестели,
Стали полунагими и смотрят понуро.

Знаю, выглядит сад наш теперь изнемогшим,
Он с холодным туманом и сыростью дружит,
Ветер грубо и зло по аллеям промокшим
Ворох ржавых лохмотьев швыряет и кружит.

Косо тянутся с неба стеклянные нитки,
Шорох капель по веткам размерен и нуден,
И от самого дома до ветхой калитки
Сад теперь неуютен, уныл и безлюден.

Нет, уж лучше скорее сомкну я ресницы
И еще подремлю и понежусь немножко,
Может быть мне сегодня, как в детстве, приснится,
Что весеннее солнце сияет в окошко.

*<14 апреля 1918 г. Воскресенье.
Москва>*

«Хорошо в аллее кленовой в ясный вечер сентября...»

Хорошо в аллее кленовой в ясный вечер сентября...
Парк безмолвен и безлюден, мне никто сейчас не
встретится;
Пламенеющими бликами ранней осени заря
Сквозь завесу хмурых елей на стволах и ветках светится.

В небе прядями лохматыми разбросались облака,
От лучей загоризонтных зарумяниться им велено,
И, ногою взбудоражено, на песке шуршит слегка
То, что золото сегодня, а недавно было зелено.

Красота природы гаснущей успокаивает глаз,
Жадно грудь вдыхает сырость горько пахнущую тлением,
И душа в очаровании молчаливо отдалась
Пробудившимся внезапно пережитым впечатлениям.

*<19 мая 1918 г. Воскресенье.
Москва>*

«Я проснулся на заре...»

Я проснулся на заре,
Распахнул окошко в сад;
Небо млело в янтаре
Перед солнечным восходом,
И в окно из цветника
От левкоев аромат,
Вместе с вздохом ветерка
Веял в спальню мимоходом.

Ты, раскинувшись, спала,
Сладко грезила во сне;
Как прелестна ты была
В бледно-розовой сорочке,
Я хотел уже вставать,
Но пришло желанье мне
У тебя поцеловать
Разгоревшиеся щечки.

На мгновенье я затих,
Сон боясь нарушить твой,
И коснулся губ твоих,
Но внезапно ты проснулась,
И увидев вдруг меня
Наклоненным над тобой,

Заодно с светилom дня
Лучезарно улыбнулась...

*1918 г. 20 мая. Понедельник.
Москва*

Импровизация («Ветер ворвался в ресторан «Яр»...»)

Ветер ворвался в ресторан «Яр»
И огрел по-уху обожравшегося буржуя,
И от неожиданности чуть не подавился я,
Мне показалось, что сейчас рожу я.

Подскочил официант и нагло рыгнул,
Обдав меня запахом самогона как закоренелого врага,
Но я мужественно и мужиковато заорал: «Ну,
Ты, свинья и боров, мне в лицо не рыгай!...»

Он сделав языком кукиш, показал мне кулак,
Я по привычке выразился по матерному;
А у вечера невероятно раздулась скула
И он помочиться направился к ватеру...

1918 г. 18 июля. Четверг.

Москва

«Под рдеющим лучом заката...»

Под рдеющим лучом заката,
У запыленного окна,
Душа в тисках тоскою сжата
И горечью уязвлена.

И я давно прошедшим грежу
Невозвратимым вновь живу
И ненасытным взором режу
Бледнеющую синеву.

Там резвый выводок крылатых
Чертит широкую спираль,
И облака в закатных латах
Спешат в загадочную даль.

Широк и светел путь небесный,
В нем нет сомнений и обид,
Тоска не будет ношей крестной
И взор ничто не оскорбит.

И снова в сердце малодушном
Горит желанье горячей
Стать ветра спутником воздушным,
Зарозовевшим от лучей.

<6 августа 1918 г. Понедельник.

Москва>

После ненастья («Как ярок августовский день!...»)

Как ярок августовский день!
Перед крыльцом сверкают лужи,
И за ночь вымокший плетень
Склонился на бок неуклюже.

Глядит помятый клен в окно,
Стучась в обрызганные стекла,
И на террасе полотно
Потяжелело и промокло.

Вчерашний ветер стих, успев
Смести к ступенькам листьев груду
И небо, чуть позеленев,
Подобно стало изумруду.

*<13 августа 1918 г. Вторник.
Москва>*

На встрече Нового года («Желаю всем присутствующим здесь...»)

Желаю всем присутствующим здесь, —
Да сохранят небесные вас духи, —
Изящно год пропрыгать весь,
Не спотыкаясь с голодухи!

1918 г. 31 декабря. Вторник.

Москва

«Возвращенная к жизни теплом животворным...»

Возвращенная к жизни теплом животворным,
Зеленеющим пухом окуталась рощица;
Суетливо чирикавая в споре задорном,
Воробьи целый день в светлой луже полощатся.

Благодатное солнце апрельское зорко,
От лучей его в тень ничего не закатится;
В стороне от дороги, на склоне пригорка,
Улыбнулся подснежник в голубеньком платице.

Молодой ветерок освежающ и ровен,
Он приносит с полей запах прели и сырости,
У стены, возле груды напиленных бревен,
Бархатистая травка успела уж вырасти.

Почти сухо повсюду, лишь жирная слякоть
На убогом проселке изрытом копытами,
И от хмеля весеннего хочется плакать
Молодыми слезами давно позабытыми.

«Душа как пленница томится...»

Душа как пленница томится
По неземному необъятному
Ей – изнемогшей – часто снится
Дорога к солнцу незакатному.

Но тщетны робкие усилия,
Стремилась в высь уже не раз она;
У ней подрезанные крылья:
Навек она к земле привязана...

1918

«Зарумянила осень...»

Зарумянила осень
Смятый бок у куста;
Неба чистая просинь
Холодна и густа.

Истомленности летней
В свежем воздухе нет,
С каждым утром заметней
Между веток просвет.

В ржавом парке печальней
И безмолвней теперь;
На реке у купальни
Заколочена дверь.

Ветер небо расчистив,
С цветником заиграл;
Ворох кленовых листьев
Рдеет словно коралл.

И так радостно взору,
И душа так ясна
В эту краткую пору
Полугрез-полусна.

«К холодным стеклам тусклых окон...»

К холодным стеклам тусклых окон
Недужный день прижал виски;
От слез бесплодных изнемог он
И обессилен от тоски.

Между карнизом в промежутке
Взметенных листьев пласт прилип,
И неестественны и жутки
Скелеты ясеней и лип.

И каждым утром взором каждый
Обводит мутных туч канву
Томим неодолимой жаждой
Увидеть солнце наяву.

Но тщетно день надеждой начат:
Мы несвершаемого ждем,
И нынче небо также плачет
Тупым безудержным дождем.

«Последний пламень солнце мечет...»

Последний пламень солнце мечет
Пурпуровый и золотой,
И меркнет августовский вечер
В борьбе бесплодной с темнотой.

За облаком дорожной пыли
Не разглядеть зари уже,
И вот опять слова застыли
Как сгустки крови на ноже.

И жутко видеть почему-то
Как тают тени у куста,
И знать, что с каждою минутой
Растет и крепнет темнота.

Что скоро вечер изнеможет
И упадет под вражий меч,
И чувствовать, что сердце может
Своей тоски не уберечь.

«С каждой минутой сумрак мгlistей...»

С каждой минутой сумрак мгlistей,
И у панели на ветру
Заводят высохшие листья
Свою осеннюю игру.

В кирпичной щели переуллка
Затих многоголосый гам,
И тротуар холодный гулко
Аккомпанирует шагам.

Вдали пропел свисток как флейта,
Лег на асфальт из окон свет,
И у подъезда вырос чей-то
Туманно-смутный силуэт.

И снова тишь... Как будто город
Смирил трамваи и авто,
И резкий ветер треплет ворот,
Стремясь пробраться под пальто.

«Сентябрьский вечер тих и розов...»

Сентябрьский вечер тих и розов;
Малейший шелест ловит слух;
Еще далеко до морозов,
Но воздух холоден и сух.

Перед калиткой в сизой луже
Расплылся след от каблука,
И непривычно-неуклюжи
Опаловые облака.

Редют с каждым часом клены,
Лохмотья сбрасывая в ров,
И вытоптан газон зеленый
Тяжелой поступью коров.

Все явлено другим для взора,
И лишь по-прежнему пыльна
У полусгнившего забора
Общипанная бузина.

Пейзаж («От заревых лучей сиреневых...»)

От заревых лучей сиреневые,
Прилипли к небу облака,
И у плотины гребни вспенивая,
Шумит и брызжется река.

Белеет берег одуванчиками
И мнится издали седым,
И над трясиными обманчивыми
Висит белесоватый дым.

Уходит солнце, переваливая
За невысокий горизонт,
И полоса заката палевая
Над далью вскинула свой зонт.

1918

«В кадке с водою у колодца...»

В кадке с водою у колодца
Из хрусталя сквозной налет,
И ветер стал больней колоться
Весь день короткий напролет.

Желтое солнце как из воска
И ничему оно не впрок,
И гулко дребезжит повозка
По мерзлым рытвинам дорог.

Глухо в саду убогом воя,
Жесток, безжалостен и груб,
Ноябрь последнее живое
Заставил превратиться в труп.

Голуби хохлятся под крышей,
И за околицей у риг
Над копнами соломы рыжей
С утра сухой вороний крик.

1918

«Мы прощаемся... Ты уйдешь сейчас...»

Мы прощаемся... Ты уйдешь сейчас...

Может быть навек расстанемся мы...

Но забуду ль я звезды ясных глаз,

Что светили мне по ночам зимы?

Не забыть того, чем жила душа,

Что своим теплом грело сердце мне;

Пусть в любви к другой догореть спеша,

Не увижу вновь я тебя во сне.

Пусть тропа к тебе зарастет травой,

Но меж нами все ж не порвется нить;

Что бы ни было, ведь я в прошлом твой,

А минувшего нам не изменить!..

<22 февраля 1919 г. Суббота.

Москва>

В роще («Прошумел по листьям дождь... Отгремел за речкой гром...»)

Прошумел по листьям дождь... Отгремел за речкой
гром...

Разгорелась ярко алая полоска...

В роще пахнет сыростью и весенним вечером
И стволы березок кажутся – из воска.

И когда нечаянно схватишься за деревце,
Будешь вмиг обрызган россыпью жемчужной,
И по-детски весело и наивно верится,
Что для жизни больше ничего не нужно...

1919 г. 24 февраля. Понедельник.

Москва

«Вот и солнце низко, значит близок вечер...»

Вот и солнце низко, значит близок вечер;
Внятней каждый звук;
Если вечер близок, то и ночь близка...
Знаю я, что снова будут капать свечи
И чадить вокруг,
И за сердце схватит жадная тоска.

И еще я знаю, что прийти не может
Сон к душе больной,
Не смыкая глаз я встречу новый день,
И утешусь мыслью: не напрасно прожит
День вчерашний мной, —
К смерти стал я ближе на одну ступень.

<1 марта 1919 г. Суббота.

Москва>

«В сумерки весенние...»

В сумерки весенние
Дышится отраднo;
Ласковы мгновения
 Чуткой тишины;
Отзвуки далекие
Ухо ловит жадно
В мглисто-синеокие
 Сумерки весны.

Контуры и линии,
Тени и намеки
Спрятались под синею
 Дымкой волшебства,
Смутной грезой мучая,
Плавнo льются в строки
Ритмы и созвучия,
 Мысли и слова.

В этот сумрак радостно
И легко поэтам,
В теле томно-сладостно
 Кровь поет, звеня;
Сумерки весенние —
Грань меж тьмой и светом,

Час успокоения
Гаснущего дня.

*<1919 г. 21 марта. Пятница.
Москва>*

«Вздыхает нива золотая...»

Вздыхает нива золотая,
Шумят зеленые леса,
И сердце в смутных грезах тая,
Горит и верит в чудеса.

Весь день с веселою заботой
О берег плещется река,
И каждый вечер позолотой
Заря обводит облака.

В еще невыгоревшей сини
Зенит лазорев и высок,
И все от розы до полыни
Впивает зрелой жизни сок.

Но только лес в осеннем горе
Стряхнет потрепанный наряд,
Поблекнет синь, померкнут зори
И грезы сердца догорят.

*<25 марта 1919 г. Вторник.
Москва>*

«О, предводитель воинства...»

О, предводитель воинства
Очередного изма,
Твоих стихов достоинство
В том, что они как клизма.

1919 г. 26 марта. Среда.

Москва

«Гремит Максим фанфарно...»

Гремит Максим фанфарно
В сто первый раз одно,
Хоть длинно и бездарно,
Но все-таки смешно!

1919 г. 19 апреля. Суббота.

Москва

«Вы, рифмуя, старательно пишете...»

Н. П. Кугушевой

Вы, рифмуя, старательно пишете,
Но где нужно не ставите там ять,
И стихи отдадите Вы Мише те,
Чтоб хранил у себя их на память.

1919 г. 2 мая. Пятница.

Москва

«Только знать, что готова награда...»

Только знать, что готова награда,
Только чувствовать сладость любви,
Больше мне ничего и не надо,
Чтобы сердце запело: «Живи!...»
Чтобы гордости жесткие путы
Разорвать без усилий совсем,
И чтоб с этой блаженной минуты
Братом стать обездоленным всем.
Чтоб найти потаенные двери
И направить к ним шаг не скользя,
Чтоб опять в свои силы поверить
И не знать, что такое «нельзя...»

1919 г. 8 мая. Четверг.

Москва

«Он славословит стихи Адуева...»

Он славословит стихи Адуева,
Адуев – Пушкин, и лучше даже!..
И будут жарить за то в аду его
На сковородке в смоле и саже.

1919 г. 19 мая. Понедельник.

Москва

«В Союзе два обеда слопав...»

В Союзе два обеда слопав,
Пломбир и порцию ухи,
Стал бальным голосом Нетропов
Читать фанфарные стихи.

1919 г. 21 мая. Среда.

Москва

«Уж сколько зим и сколько лет...»

Уж сколько лет и сколько зим...
М. Гинзбург

Уж сколько зим и сколько лет
Я жил без всякой к жизни жажды,
Но по дороге в Назарет
Мне кто-то дал нюхнуть однажды.

И с знаменательного дня
Того, я сохну словно веник:
«Его» ни грамма у меня,
А для покупки нету денег.

И я тогда лишь заживу
И каждый миг мне будет дорог,
Когда увижу наяву
В своем кармане граммов сорок!

1919 г. 23 мая. Пятница.
Москва

Винегрет из Мачтета («Вторая Мещанская Матрена и Фекла...»)

Вторая Мещанская... Матрена и Фекла...
Бурое в синем... На улице июль...
Припрыгивает, упрыгивает... Собор в Реймсе...
Ударили к обедне... В занавесках тюль...
Если б я был маленький!.. Персей и Андромеда...
Мебель «рококо»... Ты как Мессалина...
Мякушкина поляна... Стихи Ратгауза...
Бордюр «трамблэ»... Душа без сплина...
Загнусила шарманка... Выругался кто-то...
О, Рыдвань!.. О, Рыдвань!.. О, Рыдвань!..
Восторг Мамаю... После завтра – суббота...

1919 г. 28 мая. Среда.

Москва

Валерию Брюсову Акростих («Весна! Как счастлив я! Покончено с зимой...»)

Весна! Как счастлив я! Покончено с зимой...
Апрельский вечер тих и легкий ветер вея
Ласкает ветки верб; улегшись на траве я
Ему отдал себя, он – брат весенний мой.

Раскрыли облака свой веер с бахромой,
И от закатных стрел стыдливо розовея,
Юг весь заволокли, а выше и правее
Блестит звезда любви над алою каймой.

Резва и весела беспечная летунья
Юлит вокруг меня, и только нежно дунь я
Слетит с прозрачных крыл пыльца из серебра...

О, милая моя! Не избегай меня ты:
В душе как здесь – апрель, душа вдвойне добра,
Усталость и недуг с нее весною сняты!

<Не позже мая> 1919

В альбом на ходу

1. Н. П. Кугушевой («Примите мои пожеланья хорошие...»)

Н. П. Кугушевой

Примите мои пожелания хорошие,
И в них я скромн, а не неистов,
Получить Вам желаю по карточке галоши и
Быть подальше от компании кокаинистов!..

*1919 г. 14 апреля. Понедельник.
Москва*

2. Н. Н. Ольховской («Что такое жизнь здешняя наша?..»)

Н. Н. Ольховской

Что такое жизнь здешняя наша?
Сегодня не то, что было недавно:
Вчера она – просто Наташа,
А нынче – Наталия Николавна!..

1919 г. 26 мая. Понедельник.

Москва

«Нетропов и Мачтет давно друг другу любви...»

*Кукушка хвалит петуха,
За то, что хвалит он кукушку...*

И. А. Крылов

Нетропов и Мачтет давно друг другу любви,
Как тот, так и другой поэты «благанже»!..
У первого в стихах гремят фанфарно трубы,
Второй поэт дзинь-дзинь с обоями драже.

Пусть разный вкус у них, для нас неважно это,
Пусть любит пиво тот, а этот хлебный квас,
Навек пленен Максим бессмыслицей Мачтета
И грохотом фанфар Нетропова – Тарас.

1919 г. 28 мая. Среда.

Москва

**Н. П. Кугушевой («Хотя не
хорошо хорошему поэту...»)
Надпись на книге**

Хотя нехорошо хорошему поэту
На память о себе дать даже Кузмина,
Я все-таки прошу принять Вас книгу эту
Так как моя – увы! – еще не рождена.

1919 г. 5 июня. Четверг.

Москва

«Я знаю: завтра будет то же...»

Я знаю: завтра будет то же,
Что было нынче и вчера;
О, как неразлично-схожи
Мои простые вечера!

Но ты, душа моя, ты рада,
Уверена ты свято в том,
Что зреет для тебя награда
В уединеньи золотом.

1919 г. 18 июня. Среда.

Москва

«Среди членов Союза...»

Среди членов Союза,
Что в кафе «Домино»,
Выделяется муза
Ротермунд де-Гурно

Начиная с походки
И кончая – увы! —
Всем обличьем кокотки
С ног и до головы.

*1919 г. 29 июня. Воскресенье.
Москва*

В. А. Гиляровскому
(«Писать экспромты мне
судьбою суждено...»)
В альбом

Писать экспромты мне судьбою суждено!..
Явившись в этот мир с фамильей экспромтиста,
 (Хоть в том, конечно, не вина его,)
Приходится сейчас обделать дело чисто:
Вам написать в альбом в мгновение одно,
 Чтоб поддержать престиж Минаева!..

1919 г. 9 августа. Суббота.
Москва

Н. С. Берендгофу («Качаясь вышел на крыльцо...») В альбом

Качаясь вышел на крыльцо
И сел с трудом в авто граф...
Я сделал кислое лицо,
Внося в альбом автограф.

1919 г. 13 августа. Среда.

Москва

«Вся жизнь – напряжение в прицеле...»

Вся жизнь – напряжение в прицеле,
Томление вечной жаждой,
И каждый стремится к цели,
Но цели достигнет не каждый.

И кто в свои силы верит,
Идет не колеблясь прямо,
Откроет заветные двери,
Войдет в святилище храма.

А тот, кто ищет проселков,
Обходит в пути преграды,
Страшится мнений и толков,
Никогда не найдет награды.

Иди дорогой любою,
Пути не ищи короче,
Никого не зови с собою,
Не бойся обманов ночи.

Доверяй лишь собственным силам,
И тогда – в расцвете ль, в конце ли,
Но ты окрепшим иль хилым

Достигнешь желанной цели.

1919 г. 3 декабря. Среда.

Москва

«Слегка трещит камин и золотистый блик...»

Слегка трещит камин и золотистый блик
Бежит через ковер и прячется в портьере;
В раскрытом словаре пучок сухих гвоздик,
И милый голос твой доносится сквозь двери.

Массивный книжный шкаф уходит в потолок,
В нем собраны стихи поэтов разных вкусов,
Здесь к Северянину прижался плотно Блок,
И с Фофановым в ряд стоят Кузмин и Брюсов.

Волнует сердце рифм и образов игра,
И плавно и легко в ритмическом потоке,
Одна вслед за другой, скользят из-под пера
В раскрытую тетрадь ямбические строки.

А на дворе мороз и светлый диск луны
Взбирается в зенит, сквозь облака ныряя,
И траурная тень от каменной стены
Легла наискосок до ветхого сарая.

Откинешься на стул, закуришь не спеша
И позовешь тебя – счастливая минута! —
И грезу пережив приветствует душа

Покой и красоту домашнего уюта.

<10 декабря 1919 г. Среда.

Москва>

«Два крепко спаянных звена...»

Два крепко спаянных звена,
Мы пополам делили годы
Все, чем любовь была полна
В минуты счастья и невзгоды.

И нам казалось, что вокруг
Ни у кого нет прав и власти
Разъять сплетенье наших рук
И разделить нас на две части.

Но камень брошенный судьбой
Нам доказал бесправность права,
И разлетелись мы с тобой
Налево ты, а я направо.

*<31 декабря 1919 г. Среда.
Москва>*

Радость («Подойдет недотрогой-царевной...»)

Подойдет недотрогой-царевной,
Свяжет сердце атласной тесьмой,
И промолвит с улыбкой полдневной:
«Улыбнись!.. На сегодня ты мой!..»

И согласишься, не так уже хмуро
Стынет небо над садом нагим,
И лицо у хромого амура
Точно стало мгновенно другим.

И согласишься, что жизни ты нужен,
Кровь шумнее ударит в виски,
И разорванной нитью жемчужин
Разобьются сомненья в куски.

И надеждами ум обнимая,
Невозможным мечты серебра,
Вдруг почувствуешь веянье мая
Вместо жестких тисков декабря.

«Вокруг замкнутые уста...»

Вокруг замкнутые уста
И неестественные лица,
Но воплощается мечта
И каждый должен веселиться.

А жизнь – к Голгофе крестный путь
И, повинуюсь жесткой плети,
Спешим, не смея отдохнуть,
К недостижимому на свете.

Покорны рабскому ярму,
От унижения сгорая,
Идем как в затхлую тюрьму
К вратам обещанного рая.

И жутко в этой суете
Изображать собой паяца,
И даже в муках на кресте
По приказанию смеяться.

«Все отойдет и – без возврата...»

*Сердце, сердце, успокойся,
Все навек, все без возврата...*

В. Брюсов

Все отойдет и – без возврата,
И крепкая порвется нить,
И как ни тяжела утрата
Ей сердца не оледенить.

Влюбленным предстоит разлука,
И есть конец весне ль, зиме ль,
И каждый день стрелой из лука
Летит за тридевять земель.

Бессмертной даже красоты нет,
И песнь замолкнет, прозвенев,
И все пройдет, и все остынет,
И страсть, и мужество, и гнев.

1919

«День был томителен и зноен...»

День был томителен и зноен,
От солнца вяли облака,
Но ветер – бунтовщик и воин —
Навеял грозовые тучи
Откуда-то издалека.

И стал прохладным полдень жгучий,
Природа, притаясь, ждала;
Вот гром прогрехотал тягуче,
И вспарывая тучи в небе
Черкнула белая игла.

И полил дождь... И ожил стебель,
И пыльный лепесток воскрес,
И сделался каким он не был,
Веселым, бодрым и лохматым,
Казавшийся зачахшим лес.

И все цветы в хмельном расцвете,
Почувствовав избыток сил,
Благодарили хором ветер
За то, что он был добрым братом
И вновь их к жизни воскресил.

«Еще стеклярусные нити...»

Еще стеклярусные нити
Протянуты к земле из туч,
Но чувствуется уже в зените
Подкрадывающийся луч.

А это знак, что дождь недолог,
Каких-нибудь минуты три
И солнца сверкающий осколок
Тучу пропорет изнутри.

И взору подарив отраду,
Зажгутся на другом краю
Лучам навстречу полосы радуг
Бледными светами семью.

И будет бисером унизан
Каждый листок и зазвенит
Жемчуг соскальзывая с карниза
И разбиваясь о гранит.

«Забита будка у ворот...»

Забита будка у ворот,
Не слышно бубенцов на гривах,
И бронзового фавна рот
Не мечет в урну струй игривых.

И ковыляющих утят
Не провожают всхлипы лая,
А листья медленно летят,
Холодным пламенем пылая.

И в огороде за плетнем
На перерытых грядках пусто,
Лишь у стены прижавшись в нем
Торчит лохматая капуста.

И убаюканный мечтой,
Вновь проскитаюсь целый день я
Под сенью рощи золотой
В очарованьи запустенья.

К. Д. Бальмонту («Твой яркий дар – чудесная певучесть...»)

Твой яркий дар – чудесная певучесть,
Слух чаровать тебе присуждено;
Твои стихи – прекрасное вино,
В них нежный вкус и сладостная жгучесть.

Поэтом быть твоя земная участь,
В сплетении строк низать к звену звено
И птицей петь – о чем не все ль равно? —
Легко-легко, не сетуя, не мучась.

Ты все воспел: полночный бред луны,
И страсть огня, и холодность волны,
Любовь и смерть, норвежца и японца,

Простор полей и зоркий горизонт,
И завещал быть пламенным как солнце...
Привет тебе, наш солнечный Бальмонт!..

1920 г. 25 марта. Четверг.

Москва

Послание К. Д. Бальмонту («Бальмонт прекрасный!..»)

Бальмонт прекрасный!
 К тебе сгорая
От неги страстной,
 В преддверье рая
Я возлетела
 Как пылкий кочет,
Трепещет тело
 И кровь клокочет.
Дрожу как лань я,
 Моя мечта ты!
Прими посланье
 Влюбленной Таты.

*1920 г. 29 марта. Понедельник.
Москва*

3. Н. Ивановой («Сережа задремал в кровати...») В альбом

Сережа задремал в кровати,
Со службы «прапорщик» пришел,
И Вы велели быстро Кате
К обеду накрывать на стол.

А мне довольно скучно было,
Зевоты я сдержать не мог,
Присел, взял ручку и чернила
И написал Вам восемь строк.

*1920 г. 5 мая. Среда.
Москва*

**О. Л. Леонидову. В альбом
(«Промчится быстро
жизнь неистовая...»)
В альбом**

Промчится быстро жизнь неистовая
И на закате Ваших лет,
Страницы эти перелистывая,
Вы мой найдете легкий след.

Черемухой повеет в комнате
И вздоха Вам не уберечь,
И с умилением Вы вспомните
Минуты наших ранних встреч.

*1920 г. 8 мая. Суббота.
Москва*

«Прозрачно небо... Даль ясна...»

Прозрачно небо... Даль ясна...
День напоен теплом и светом...
Какою нежною весна
Явилась к нам в апреле этом!
Окутал ветки свежий пух,
И окна и сердца раскрылись,
И юркий крошечный лопух
Из-под ворот на солнце вылез.
Во всем восторг и торжество,
День отдала весна во власть им,
И счастьем веет от всего,
И даже воздух пахнет счастьем.

<28 июля 1920 г. Среда.

Кантаурово, Нижегородская губерния.>

Истинное происшествие («Я вышел от прелестной Вари...»)

Я вышел от прелестной Вари
И, Сивцев-Вражек миновав,
Сел на Пречистенском бульваре
Вдыхать осенний запах трав.

И замирая от блаженства,
Я был душой почти в раю
И думал: «Варя – совершенство!
Она украсит жизнь мою!...»

Изнемогая в страстной дрожи,
Я все на свете позабыл,
Тот миг мне был всего дороже,
Я на десятом небе был.

Но вдруг на самом сладком месте
Блеснула мысль в уме моем,
Что Тата с Катечкою вместе
Теперь на даче и вдвоем.

Они целуются бесспорно,
Воркуя словно голубки,
И я, рассвирепев, упорно

Стирал о гравий каблуки.

Моя душа набухла злостью,
В ней стало сыро и темно,
И я огрев скамейку тростью
Поехал к музам в «Домино».

1920 г. 18 августа. Среда.

Москва

«Томительные дни сомнения и лени...»

Томительные дни сомнения и лени...
От жуткой пустоты душа изнемогла...
Перед грядущей тьмой клоню в тоске колени
В уединении домашнего угла.

А осень шелестит шелками покрывала,
Шуршит валежником по травам шлейф влача;
Тупая боль души еще не миновала
И сердце ночи ждет как смертник палача.

И хочется вослед за стаею утиной
Покинуть берега для глубины мутных вод;
Бестрепетен покой под выцветшею тиной
И сладок поцелуй забвения... И вот

Не верю, не ищу, не знаю даже надо ль
Надеждою встречать улыбку поутру,
Когда моя душа как лиственная падаль
Мятется, трепещет, на жизненном ветру.

<23 августа 1920 г. Понедельник.

Москва>

«О, неизбежность наших встреч!...»

О, неизбежность наших встреч! —
В прозрачной влаге пена яда...
Как трудно сердце уберечь
От слишком ласкового взгляда!

Прикосновенья жадных рук
Еще робки, но не случайны,
И с каждой встречей уже круг
Под покрывалом сладкой тайны.

Душа предчувствием жива,
Надежды скрыты не в кольце ли?
И рвутся мыслей кружева
Не достигая самой цели.

Движенья медленные лгут,
Они должны быть нежно-грубы,
Когда так близко стерегут
Слегка накрашенные губы.

*<24 августа 1920 г. Вторник.
Москва>*

«Истомной лени я...»

Истомной лени я
 Не одолею,
В тупом томлении
 Мечту лелею.

Душа взволнована,
 Ей сон неведом,
Уже давно она
 Пленилась бредом.

Томишься в зале ты
 Ненужной верой,
И чувства залиты
 Тоскою серой.

Ах, если можно мы,
 Готовя встречу
С пустыми ногами
 Пройдем сквозь сечу.

И алый прах от ног
 Стряхнем легко мы,
В просторах бархатных
 К любви влекомы.

1920 г. 26 августа. Четверг.

Москва

«Какие силы водят мной?!...»

Какие силы водят мной?!.
Зачем иду к тебе я, осень?!.
В саду тоскливо и темно,
А только без четверти восемь.

Глядят из каждого угла
Насторожившиеся тени;
Душа любви не сберегла
И обессиленна в смятении.

И вот – остывшая – одна,
Она в самодовольстве лживом
Ничьим волнениям не родна
И не близка ничьим порывам.

О, как ничтожен жребий мой:
Отдать поклон соседке-деве
И не спеша идти домой,
Когда часы покажут девять!..

*<27 августа 1920 г. Пятница.
Москва>*

«И тишина... И слабо пахнет мятой...»

И тишина... И слабо пахнет мятой...

И полумрак ревниво озаря,

Ее косы растрепанной и смятой

Сквозь тюль гардин касается заря.

Ах, после ласк любовь еще дороже,

Ясней глаза и щеки розовой,

И гуще синь в мгновенья легкой дрожи

Под траурными нитями бровей.

<23 сентября 1920 г. Четверг.

Москва>

«Самое близкое сердцу – осени, зимы и весны...»

Самое близкое сердцу – осени, зимы и весны,
Самое лучшее в жизни – сумерки, ночи и дни;
Пусть майским утром деревья благоуханны и роены,
А в сентябре на закате ржавы и чахлы они.

Есть красота и в недуге; мне одинаково милы
Шумная вешняя радость, строгий осенний покой;
О, чаровница-природа, прелести символ и силы,
Вечно была ты прекрасной, вечно и будешь такой!

Где в этом мире лукавом лучше найду я подругу?
Кто беззаветней полюбит? Кто приласкает нежней?
Ты лишь одна улыбнешься в миг безнадежности другу,
Ты лишь одна не изменишь мне до конца моих дней...

<9 октября 1920 г. Суббота.

Москва>

«Вчерашний день казался мне пустым...»

Вчерашний день казался мне пустым,
Я тщетно ждал, чтоб нежное светило
Издалека сияньем золотым
 Меня слегка озолотило.

Но день был сер и властвовала мгла,
Текли часы и капали минуты,
И все душа смириться не могла,
 Что к свету ей пути замкнуты.

*1920 г. 22 ноября. Понедельник.
Москва*

«Слова корявы и скрипучи...»

Слова корявы и скрипучи,
Хромает стих
И рифма не верна;
Не отыскать в навозной куче
Творений сих
Жемчужного зерна.

*1920 г. 6 декабря. Понедельник.
Москва*

П. И. Вагину. Записка («Нет, невозможно слушать на ночь...»)

Нет, невозможно слушать на ночь
Подобную галиматью!..
Своей поэмой, Петр Иванович,
Долбит он голову мою.

Такой сверхбарабанной дроби
Слух не выдерживает мой,
Я весь в поту, в жару, в ознобе,
А потому бегу домой.

*1920 г. 20 декабря. Понедельник.
Москва*

«Весною сны – последний талый снег...»

Весною сны – последний талый снег...
Сны осенью – тоска о первом снеге...
Вспоминать испытанные неги
Животворит живительнее нег
Дань сентября – пленительная лень;
В аллеях блеклых стынет воздух тленный,
Как поцелуй, на лбу напечатленный,
И каждый лист – затравленный олень.
За парником у выцветшей стены,
Средь паутин и чахнувших растений,
Шевелятся уродливые тени
В причудливые сети сплетены.
Закатный пыл впивает виноград,
И гаснет луч на гроздьях винограда;
И мне дана великая награда: —
Не ожидать заслуженных наград...

1920

«Воздух пахнет росой и сеном...»

Воздух пахнет росой и сеном,
Легкой сыростью веет овраг;
Хорошо по прохладной росе нам
В полусветлый идти полумрак.

Вдалеке за притихнувшим полем
Звонкий голос плетет кружева;
Мы к молчанью себя не неволим,
Но сейчас неуместны слова.

Заблудилась в потемках дорога,
Повернув наугад на восток,
И стоит покосившись немного
Огороженный палками стог.

Каждый миг то прозрачней, то звездней
Полусонного неба атлас,
И никак не поймешь это поздний,
Или ранний предутренний час.

1920

«Восторги встреч и горести разлук!..»

Восторги встреч и горести разлук!
Душа, как прежде, вами лишь томима;
Еще держу в прицеле верный лук,
Но дни летят моей засады мимо.
Слежу с тоской за бешенством погонь,
Восходов жарких, пламенных закатов;
Не для меня пылающий огонь,
Мой мутен день и вечер будет матов.
И меркнет взор, и никнет голова,
И память бережная бредит вами...
Как больно знать чудесные слова
И не уметь их выразить словами!..

1920

«Тянет жадная бездна...»

Тянет жадная бездна,
Тщетны слезы, молитвы и жалобы
И борьба бесполезна:
Только сердце она раздражала бы.

С каждой новой минутой,
Непонятною силою подвижны,
По спирали замкнутой
В неизбежность спускаемся ниже мы.

Что же в том, что возможно
Пережить золотые мгновения?
Все ненужно и ложно
Если нам не уйти от забвения...

1920

«О, радость обрести в пути единоверца...»

Е. П. Павлову

О, радость обрести в пути единоверца!
Тщету земных дорог и ты, как я презрел;
Нам дан один удел: пронзить чужое сердце
Певучим острием неотразимых стрел.

Пусть вехами нам путь никто не обозначит
Провиденных вершин достигнем и одни,
И никакой туман в лохмотьях мглы не спрячет
Сиянья наших солнц в назначенные дни.

Мы, обреченные, одним подвластны узам,
Одной волною нас в безбрежность унесло;
Что розы и шипы для тех, кто служит Музам
Словами музыки и музыкою слов?

1920

«О, сладость уз желаемого плена...»

О, сладость уз желаемого плена!..
Словам любви не вырваться из строк,
В одном певучем имени – Елена
Сплелись концы всех нитей и дорог.

Еще не мне твое очарованье
И трепетная женственность твоя,
И нежность губ, и глаз твоих сиянье
Еще не мне, но твердо знаю я, —

Мне будет все в назначенные сроки,
Моя любовь не может не найти,
И каждый путь и узкий и широкий
Нас приведет к единому пути.

1920

«О, тайная, о нежная услада...»

О, тайная, о, нежная услада,
В предчувствии чудесного конца,
Не отрывать восторженного взгляда
От разгорающегося лица.

Пускай сейчас другой целует руки,
Не для него, что мне присуждено,
Но тяжело в бессмысленной разлуке
Таить любви готовое вино.

А сердце молит: будущим живи,
Тот близок день, когда чудесник-случай
Вас принесет одной волной зыбучей
К пленительному берегу любви.

1920

«Окончу скоро ли волненья странствий?!...»

Окончу скоро ли волненья странствий?..
Где отдохну на полпути ль, в конце ль?..
Здесь на земле иль в мировом пространстве
Существования моего цель?..

Иду, куда душа мечтой влекома,
Ласкают мхи и тернии язвят,
Мне чуждо все и все давно знакомо
И чад любви и ненависти яд.

Грядущий день приветствуется песней,
Вчера за мной как перейденный ров;
И есть ли здесь, что проще и чудесней
Привычной смены утр и вечеров?

Вопрос звучит, но нет еще ответа,
Жизнь не ответ, и к вечности спеша,
Лишь тайну зорь, игру теней и света
Не устает приветствовать душа.

«Плетутся сумрачные дни...»

Плетутся сумрачные дни
Однообразные как вишни;
В душе погасли все огни,
И все надежды стали лишни.

И с каждым часом все скучней,
Бессмысленней и безобразней
Влачить ярмо ненужных дней
В годину варварства и казней.

Но не решиться, не уйти,
Не достичь того предела,
Где можно бросить все пути
У остывающего тела.

1920

«Подошла и разнежила взглядом...»

Подошла и разнежила взглядом...
Как не верить, что есть чудеса!
О, блаженство быть вместе, быть рядом
Хоть на краткие четверть часа.

Этот голос певучее скрипки,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.